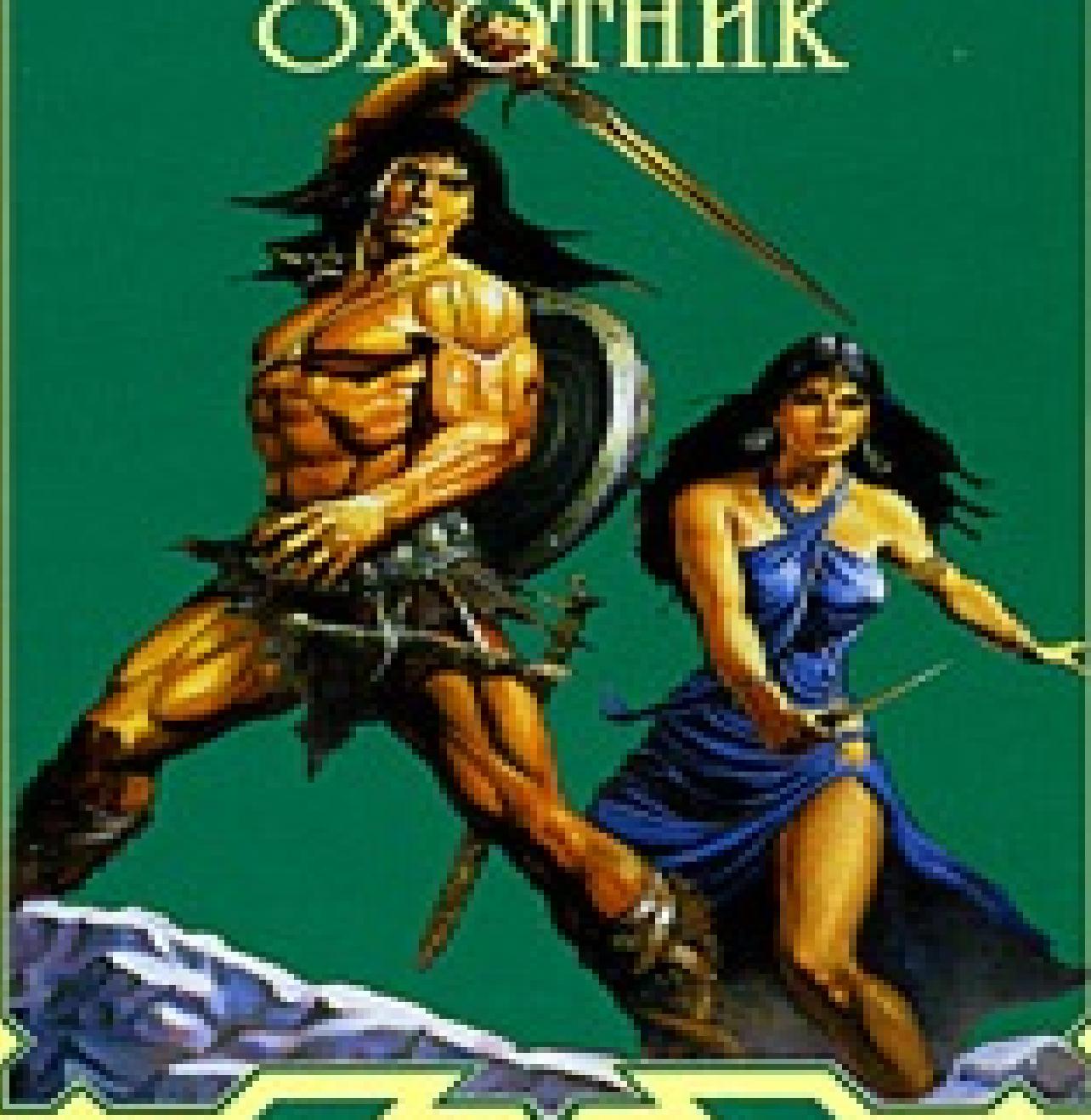

Бестселлер

КОНАН И ТЕМНЫЙ ОХОТНИК

Annotation

Покинув Шадизар, Конан нанимается охранником в караван к богатому вельможе. По пути их ждёт много опасностей, но, благополучно прибыв в дом вельможи, Конан остается там на некоторое время. И, оказывается втянут в нешуточные интриги творящиеся здесь. Но благородный варвар не позволит использовать себя в грязных намерениях.

- [Джеральд Старк](#)
    -
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
-

Джеральд Старк

Корни радуги

Город Шадизар, Замора.

Начало зимы 1264 года по основанию Аквилонии.

— Уезжаешь, значит.

С утра Ши Шелам повторил эту немудрящую фразу уже в сотый или тысячный раз. Звучала она не вопросом, а утверждением, и ответа не требовала. Кроме того, на прощальной вечеринке, завершившейся на рассвете, воришко изрядно перебрал и теперь видел жизнь исключительно в черных красках.

— Все разбежались, — заплетающимся языком твердил он всю дорогу от таверны «Пещера демона» до Изразцовых Ворот славного города Шадизара. — Поразъехались кто куда, бросили меня совсем одного... Мерзавцы вы и предатели, вот кто!

Высказавшись, Ши ненадолго замолчал. Догадался, что приятеля не переубедить. Поступок Конана, впрочем, был не лишен эдакого варварского здравомыслия. Город Воров в последнее время подрастирал часть исконной гостеприимности, за что следовало благодарить исключительно месьора Верховного Дознавателя вкупе с его подчиненными. Сам Ши предполагал исчезнуть с недремлющих глаз Сыскной Когорты хотя бы до наступления весны. Он уже и подходящее местечко присмотрел, и с владельцем дома договорился.

Скучноватая выдастся зима, но зачем искушать судьбу?

Даже Малыш смекнул, что к чему, однако решил действовать по-иному. В его варварской душе, видите ли, завелась — подобно тараканам в неприбранном доме — неодолимая тяга к странствиям.

Осуществить задуманное оказалось довольно просто. Сунуть помощнику содержателя большого постоянного двора мешочек с серебряными талерами, тот за кружкой «Старой винодельни» похлопочет за одного своего дальнего знакомого перед нужными людьми...

Через седмицу дело сладилось. Хозяин большого каравана, шедшего из Керкиры, столицы соседней Коринфии, в богатый Хоарезм на побережье Вилайета, как раз подыскивал желающих подзаработать охраной перевозимых товаров. Караванщик рассуждал здраво: на пути к границе Турана еще встретится Аренджун и с десяток городков поменьше, кто-нибудь из охранников непременно удерет или вlipнет в историю, так не лучше ли заранее нанять десяток лишних стражников? Расходы невелики, выгода очевидна.

Должно быть, Конан произвел на будущего работодателя двоякое впечатление. На первый взгляд — юнец юнцом, наверняка с трудом усвоил, с какой стороны у меча рукоять, а с какой лезвие. С другой стороны, если верить байкам про жителей Полуночи, не сбежит на первой же стоянке и будет честно отрабатывать полученное жалование...

Второе соображение победило. Теперь Конан шел к назначенному месту сбора, с любопытством загадывая — что ожидает его в ближайшем будущем? Ши изображал

плакальщика на похоронах и громогласно рассуждал о множестве подстерегающих караван опасностей.

— Да уймись ты, в конце концов! — не выдержал киммериец. — Через две, от силы через три луны я вернусь. Иначе ты пропадешь без присмотра. Будешь путаться с кем надо и не надо, проиграешься вдрызг, с горя напьешься, начнешь буйнить и загремишь в Алронг, верно?

Ответом на подобную заботливость послужил неприличный жест.

— Сам не вlipни, — огрызнулся воришка. — А коли вlipнешь, постарайся хотя бы сохранить голову на плечах и остальное, что к ней прилагается. Я ведь с самого начала предупреждал — это плохая затея!

«Ты как раз вовсю твердил — поезжай, поезжай, и даже не раздумывай», — мысленно взразил Конан, но препираться не захотел. Настроение не то.

Молодые люди свернули налево и оказались на площади перед Изразцовыми Вратами, переполненной озабоченно суетящимися погонщиками верблюдов, блюстителями из Таможенной управы, вездесущими уличными торговцами, пронзительно нахваливающими свой залежалый товар, и собственно верблюдами, меланхолично взиравшими сверху вниз на людское копошение и размеренно пережевывающими нескончаемую жвачку. Казалось, население целого шадизарского квартала вдруг решило тронуться в путь, прихватив домочадцев, отпрысков, знакомых и друзей.

Конан и Ши Шелам постояли немного, взирая на пеструю круговерть. Варвар искал в толпе старшину караванной стражи, дабы известить того о своем появлении, воришка соображал, чего бы сказать на прощание. Ничего толкового Ши не придумал, потому что отвлекся, заметив быстро промелькнувшее полузнакомое лицо и крайне им заинтересовавшись.

— Смотри-ка, кто с вами поедет, — он настойчиво подергал приятеля за рукав новехонькой, на днях купленной куртки. — Да не туда, налево от крыльца Таможенной управы! Бишаринские верблюды под синими попонами, и большая крытая повозка с гербом, запряженная воловьей четверкой.

Повозку, украшенную изображением силуэта некоей хищной птицы на зеленом щите, варварглядел безошибочно, а в верблюжьих породах не слишком разбирался. Ясно только, что владелец животных и возка — человек богатый.

— Вечно забываю, что ты еще не запомнил лиц тех, кого во всей Заморе безошибочно узнают за два десятка шагов, — хмыкнул Ши, и не дожидаясь расспросов, объяснил: — Это Гельге Кофиец. Кто он такой?.. Счастливчик и любимчик удачи. Тот, кто умудряется всегда находить корни радуги и выкапывает оттуда ба-альшой горшок с золотом. Человек, у которого нюх на выгодные сделки и который знает о торговле в наших краях все. Гельге заправляет Торговой Гильдией Заморы и отчего-то не стремится к большему, хотя давно бы мог плюнуть на нас, перебраться в блестательный Аграпур и занимать там не последнее место при дворе правителя. Хочешь добрый совет? — воришка прищурился. — Пока будете ехать, постарайся вовремя попасться ему на глаза или оказать какую полезную услугу.

— Делать мне больше нечего, — небрежно отмахнулся киммериец, наконец-то заприметивший главу охранников. — Ладно, Ши. Счастливо оставаться.

— Знакомство с подобными людьми еще никому не повредило, — стоял на своем Ши, но быстро понял, что его не слушают. Приятель, увлеченный начинающимся путешествием, уже выкинул из головы любые наставления и предостережения. Не имело никакого смысла и дальше болтаться у него под ногами.

Поэтому Ши Шелам незаметно удалился, перемахнул ближайший забор и вскарабкался на покатую крышу приземистого сарайчика. Он просидел там, немелодично посвистывая, почти колокол, и своими глазами убедился, что караван благополучно покинул веселый Шадизар.

Вместе с ним уехал и Малыш.

Впрочем, какой он теперь, к демонам, Малыш? Кто теперь вспомнит замученного, опасливо косящегося по сторонам подростка, нынешней весной притащившегося в Столицу Воров? Мальчишка стал чрезмерно самоуверен, особенно когда к нему в руки угодила довольно кругленькая сумма золотых монет. Треть ее немедля растратили на дружеские вечеринки, веселых девиц, игру в кости, раздачу долгов и новое жилье, остальное пошло на снаряжение варвара в дальнюю дорогу. Добротная одежда, теплый, подбитый волчьим мехом плащ – будет далеко не лишним на ночевке в степи, учитывая, что зима не за горами. Сапоги, оружие... Новый меч киммериец выбирал сам, раз пять обойдя Оружейные ряды и доведя половину торговцев до тихого помешательства. В конце концов выбор пал на очень неплохой полуторный клинок нордхеймской ковки. Хвостиком таскавшийся следом Ши торговался до хрипоты, но купчина, подметив, как азартно заблестели глаза у долговязого варвара, был неумолим – разве что удалось получить за полцены удобные ножны из красного дерева, приспособленные для ношения за спиной.

По совету почтеннейшего Шетаси уль-Айяза, бывшего письмоводителя и Наставника в Сыскной Когорте, и невзирая на громкие возражения Конана, с некоторых пор недолюбливавшего лошадей, приобрели даже коня – гнедого бритунийской породы, спокойного и выносливого.

– С него и ребенок не упадет, – заверил продавец, и недоуменно покосился на подавившегося смешком Ши.

* * *

Жеребец носил чуть легкомысленное прозвание Бьюри, то есть Вереск, и, как доподлинно выяснилось, не скрывал под напускным равнодушием ни злобности нрава, ни пристрастия к пакостным выходкам. Рысил, деловито пофыркивая, по песчаной обочине, не возражал против пробежек вдоль растянувшегося на три или четыре перестрела каравана, и с удовольствием галопировал по степи, когда приходила очередь Конана проверить дорогу впереди.

Путешественники благополучно добрались до Аренджуна, отдаленного от Шадизара двадцатью лигами пути, пробыли там день, обзаведясь новыми попутчиками, и неспешно двинулись дальше, на Полуночный Восход. Спустя еще пару дней обоз миновал захолустный пограничный городок Дэлирам, и вокруг потянулись к выцветшему голубому небу невысокие холмы – отроги Кезанских гор.

Проводники утверждали: теперь до самой переправы через реку Хелиль будут только неприветливые скалы, которые потом сменятся засушливой турецкой полупустыней с редкими поселениями. За Хелилем земля более плодородна, и, если не обращать внимания на чрезмерную жадность сборщиков налогов, ехать через тамошние края – одно

удовольствие. Два дневных перегона, и на горизонте покажутся стены Акита, конца пути. Там господин ир'Аледаш, представитель торгового дома «Тагдиле и Наследники», рассчитается с наемными работниками – охраной, погонщиками животных, проводниками. Конан предполагал ненадолго задержаться в Аките: оглянуться по сторонам, узнать, на что похож этот город и чем отличается от Шадизара, а после вернуться обратно...

Небо затянула серая хмаря, слишком тонкая для того, чтобы пролиться нечастым в здешних краях дождем, однако полдень немедленно превратился в некое подобие ранних сумерек. Зимнее солнце просвечивало в разрывах облаков тусклой серебряной монеткой. Тишина, нарушаемая лишь редкими окриками погонщиков да глухим перестуком конских копыт, и однообразность пейзажа действовали на людей подобно сонному снадобью.

Ир'Аледаша, клевавшего носом в седле в середине растянувшегося каравана, нагнал всадник на мощном вороном жеребце – грузный, средних лет мужчина с пышной раздвоенной бородой и пронзительным взглядом маслянисто-черных глаз, одетый по офирской моде в просторную темно-фиолетовую тунику и бархатный плащ того же цвета с богатым золотым шитьем.

– Да продлятся бесконечно твои дни, почтеннейший, – негромко сказал чернобородый, поравнявшись с караванщиком. – И приумножатся богатства в твоих сундуках.

– О... благодарю, досточтимый Гельге, – спросонья чуть нервно ответствовал купец. – Чего желаешь мне, пусть тебе воздастся вдвое.

– Мы с тобой не впервые едем этой дорогой, – продолжал бородач. – Ну и унылые края, а? Всякий раз проклятые пески нагоняют на меня ужасную тоску. К тому же, болтают, последние несколько седмиц здесь небезопасно.

– Пески как пески, – равнодушно пожал плечами ир'Аледаш. – Когдаолжизни проведешь в повозке или покачиваясь меж верблюжьих горбов, начнешь скучать и посреди базара в Аренджуне. Что же до опасности... Полагаю, ты имеешь в виду Мерцающее Облако?

– Его самого, – Гельге задумчиво огладил свою ухоженную бороду. – Две луны тому Каххан Длиннорукий со своими конниками прижал его шайку на перевале Арреат и изрядно потрепал, вот он с горя и подался в Пустоши. Но мерзавец все еще силен. По слухам, у него полсотни сабель или около того. Тебе ведь доводилось встречаться с Облаком, не так ли?

Туранец покачал головой в знак согласия.

– И не раз, – сказал он. – Еще там, на Арреате, где он сидел, сытый и довольный, как насосавшийся клещ, взимая с караванщиков мзду. Мерцающее Облако умен, его шакалы не вырезали караваны начисто, как поступают иные банды. Обычно они просто появляются из-за поворота, загораживают путь и требуют дани – треть стоимости груза. Отдашь добром – не тронут. С теми, кто пытается вступить в спор, а наипаче – в драку, Облако расправляется самым жестоким образом.

– Ты до сих пор жив. Значит, платил ему, – усмехнулся Гельге.

– А что делать? На Арреате Мерцающее Облако держал две сотни конников! Кстати, наглость его и сгубила. Государь Илдиз, да не заходит в его владениях солнце, обеспокоился слухами о некоем благородном разбойнике, который, мол, честным купцам дает вести торговлю, бедным раздает деньги, а кровопийц и сквалыг наказывает со всей суровостью. Вдобавок Мерцающее Облако заимел скверную привычку разъезжать с десятком телохранителей по окрестным селам и разбрасывать горстями серебро, тем самым развращая умы простецов и сея смуту...

– Но если судьбе вздумается свести вас снова? – напирал Гельге. – Ты, я знаю, нанял хорошую охрану, а людей у него, наоборот, поубавилось. Хватит ли у тебя смелости отомстить Облаку за прошлые страхи?

– Хватит, – без малейшего колебания отрезал караванщик.

Гельге откинулся в своем вышитом, с высокой спинкой седле и заурчал, как сытый кот. Масляные глазки его при этом превратились в блестящие щелочки. Ир'Аледаш взглянул на купца с недоумением, которое сменилось раздражением, как только караванщик понял, что Гельге смеется.

– Что забавного открылось тебе в моих словах, почтеннейший? – холодно осведомился турانец.

Вместо ответа Гельге резко оборвал смех и вытянул руку с пухлыми, унизанными перстнями пальцами, указывая куда-то в сторону.

– Такой скучный день! – воскликнул он. – Давай немного развлечемся. Посмотри-ка, видишь длинного нордхеймца, который выглядит так, будто впервые забрался верхом на коня? Кажется, он присоединился к вам в Шадизаре? Проверим, у кого из нас лучшее чутье на людей! Что ты можешь сказать по его виду?

– Ты прав, – неохотно признался ир'Аледаш, – я о нем почти ничего не знаю, его нанимал Септах, старшина воинов... Намекаешь, что среди моих людей могут оказаться предатели?

– О нет, что ты! – замахал руками Гельге. – Я просто предлагаю... небольшое состязание. Так можешь ли ты, опытный торговец, проведший полжизни в седле, поведать что-нибудь любопытное о сем молодом человеке?

– Родом с Полуночи, – начал караванщик довольно уверенно, – вряд ли старше двадцати лет от роду... В караване не впервые, но охраняет груз самое большое второй раз, если вообще не первый – слишком часто оглядывается на тех, кто поопытнее. Снаряжение с одеждой – новые, добротные. Значит, недавно заработал приличные деньги, но не торговлей и не ремеслом, это точно. Украл или выиграл в кости. С виду неотесан, но верен и храбр, да и силушки на двоих...

Паузы в речи караванщика становились все продолжительнее. Гельге внимательно слушал, прикрыв глаза, а даже не подозревающий, что стал предметом самого дотошного рассмотрения Конан спокойно восседал в седле, оглядываясь по сторонам. В эти края он и впрямь попал впервые, оттого желтоватые, источенные ветром нагромождения каменных глыб, серые морщины песчаных наносов и бегающие по ним маленькие смерчики, «пыльные демоны», вызывали у него живейший интерес.

– Вот, пожалуй, и все, – закончил ир'Аледаш. – Теперь твоя очередь.

– Ты выиграл, – печально признал Гельге. – Мне нечего добавить, уважаемый. Вот, выпей прекрасного вина с моих виноградников – лучшего не отведаешь и в самых богатых домах Офира, клянусь сладкими бедрами Дэркето Неутомимой!

– Но в нашей игре ведь крылся некий смысл? – настаивал туранец, принимая из рук чернобородого небольшую флягу.

– Я лишний раз убедился, что ты проницателен, как сфинкс, и глаз твой остree ястребиного, – разглагольствовал Кофиец, в зрачках коего зажегся странный упорный огонек. – Как иначе ты мог бы всякий раз проходить Арреат, не платя ни сикля Мерцающему Облаку?

Ир'Аледаш поперхнулся глотком вина и едва не уронил флягу, которую Гельге ловко

подхватил.

— Во имя неба, о чём ты?

— Тише, вокруг много чужих ушей, — медовым голосом предупредил Гельге. — Ты прекрасно расслышал, о чём я говорю. Или мне, ничтожному, придется тратить твоё драгоценное время, рассказывая, как ты снабжал бандитов провизией, а взамен увозил награбленное добро, дабы сбыть потом в лавках шадизарской Ночной Пустоши? А заодно предупреждал Мерцающее Облако о готовящихся облавах? И щедро угождал его дурманным порошком, до которого мерзавец весьма охоч? Или как сдал его шайку сотнику Каххану, поскольку возомнивший о себе Облако сделался бесполезен и назойлив?

Караванщик усилием воли сдерживал бившую его дрожь. Гельге, заметив крупную испарину, приступившую на лбу торговца, утробно рассмеялся и ободряюще хлопнул туранца по спине — всякий, не слышавший разговора, подумал бы, что видит мирную беседу двух друзей.

— Сколько ты хочешь? — прошептал ир'Аледаш.

— Ну-ну, что ты, о чём ты говоришь, досточтимый! Я, Гельге Кофиец, Нашедший Корни Радуги, стану вымогать у тебя какое-то презренное золотишко? Опомнись!

Гельге наклонился поближе к ир'Аледашу:

— Кстати, как поживает Стахим Книжник? Правда, хорошо, что у него достало мудрости отдать просимое? Бедняга не пережил бы, если бы подонки, которых ты прислал, изуродовали его красавицу-дочь...

— ...как ты узнал?

— Но Стахим остался при своей ненаглядной дочурке, и та вскоре благополучно выйдет замуж, а я получу книгу, бесценный древний фолиант, вырванный тобой у бедняги Книжника. Ведь так?

— Всадники! — донесся вопль из головы каравана. Гнусаво взвыли сигнальные рога, и хриплый голос старшины воинов проревел:

— Разбойники! К бою, стоять насмерть!

* * *

Главарь шайки промышлял на торговых путях давно и дело свое знал тую. Место для нападения он выбрал исключительно грамотно — караван, растянувшийся едва не на три перелета стрелы, только подходил к выходу из ложбины меж двумя длинными каменистыми грядами. Теперь лучники нападающих, по счастью немногочисленные, могли сверху осыпать смертоносной сталью тех, кто укрылся за телегами; а с головы каравана воящей лавиной хлынули всадники на низкорослых и вертких хауранских конях, одетые, подобно кочевникам-степнякам, в развевающиеся халаты и мохнатые шапки из лисьих хвостов. Проносясь по обочинам дороги мимо неподвижно застывших подвод, они на скаку срубали тех, кто пытался оказывать сопротивление.

Однако охрана оказалась на высоте, и Септах доказал, что ест свой хлеб не зря. Еще на первой стоянке после выхода из Изразцовых Врат каждый, способный держать оружие, получил надлежащие указания и четко представлял свое место и свои действия как раз на

случай такого вот внезапного налета. Некоторые воины заранее надели легкие кольчуги, теперь сослужившие им добрую службу. Та часть охранников, что чувствовали себя в седле увереннее, чем на твердой земле, вступила с налетчиками в стремительный встречный бой. Не успели отзнечать первые команды, как уже захлопали арбалеты, извлеченные возницами из-под попон – теперь и вражеские стрелки начали нести потери.

Продвинувшись не далее середины «змеи», состоящей из повозок и крытых фургонов, разбойничья лавина стала распадаться на водовороты отдельных поединков, как конных, так и пешем строю.

Конан, ввиду явной своей неспособности драться в седле – даже меч его, прямой и тяжелый, никак не предназначался для конной сечи – едва закипел бой, соскользнул со своего жеребца и укрылся за ближайшей телегой. Как раз вовремя: сразу три стрелы с узкими гранеными жалами воткнулись над его головой в дощатый борт, и сверху, видимо, из пропоротого мешка, потекла тонкая струйка зерна. Нордхеймский клинок сам прыгнул в руку молодому варвару, и Конан, издав его самого удививший боевой клич, мощным скачком взлетел на верх подводы. Рядом с ним возница, бросив поводья, целился из самострела куда-то вверх, лицо стрелка перекосилось от напряжения, а свесившийся из седла бандит в лисьей шапке уже заносил для удара хищно изогнутую симитарру.

Все это отпечаталось в памяти Конана странно застывшей картиной: летящие во весь опор кони еле перебирают копытами, стрела страшно медленно срывается с тетивы – и единственным быстро движущимся предметом оставался его собственный меч, с быстротой молнии хлестнувший всадника поперек груди. Только когда бандит, потеряв свою шапку и выронив саблю, тяжело грянулся оземь, мир вокруг киммерийца пришел в движение, а заодно обрел голос.

– Аий-й-я! – пронзительно завопил тот, что скакал следом за только что зарубленным, и замахнулся узкой альфангой. Варвар успел лишь подставить свой тяжелый меч. Два клинка с размаху столкнулись, послышался жалобный хруст, – и разгоряченный конь унес нападающего, сжимающего в руке рукоять с куцым обломком лезвия, а на мече Конана появилась изрядная зарубка.

– Аий-й-я!

От следующих двоих, пластавших налево и направо, киммериец уклонился, ощущив, как свистящее лезвие обдало ветерком его макушку. Бандиты тут же сшиблись грудь в грудь с двумя мрачными великанами-тургаудами из охраны Гельге Кофийца. Спустя мгновение один тургауд и один степняк рухнули под копыта несущихся коней, оставшиеся в живых рубились так, что искры сыпались из-под сабель.

Возница, которого Конан прикрыл три удара сердца тому, лежал поперек мешков со стрелой в горле.

Киммериец, обеими руками стиснув рукоять меча, метнулся между телег, рассчитывая пересечь линию повозок. Вокруг орали, стонали, богохульствовали и просто молча умирали защитники и нападающие – последних, впрочем, гибло больше. Прямо под ноги Конану, соскользнув с верхушки камня, рухнул подстреленный степняк, за спиной у него еще болтался пустой колчан. Киммериец на миг опустил глаза, а когда снова поднял взгляд, увидел в десятке шагов широкую конскую грудь, сливающиеся в бешеной скачке копыта, всадника в великолепном парчовом халате, прильнувшего к самой конской шее в попытке избежать разящих стрел – все это разом, летящее на него по усеянной трупами пыльной обочине.

Времени на раздумья не оставалось. Конан прянул в сторону, присел, нордхеймский меч, загудев в воздухе, рубанул по широкой плоской дуге и подсек коню передние ноги. Всадник и конь – оба покатились кубарем, конь забился, пытаясь встать и визжа от боли, всадник же, хоть и оглушенный падением, мгновенно перекувырнулся, как кот, вскочил и выставил перед собой полумесяц туранской сабли-симитарры. Шапку он потерял при падении, длинные черные, давно не мытые волосы рассыпались по плечам, а раскосые черные глаза уставились на противника с лютой ненавистью. Разбойник был невысок ростом, однако коренаст и жилист до чрезвычайности, а то, как он держал оружие, чутко прощупывая воздух тонким острием, подсказало киммерийцу, что перед ним опытный боец.

Конан со своим тяжелым мечом не выдержал бы состязания в быстроте атаки с подобным противником. Единственное преимущество варвара состояло в длине клинка, да еще, может быть, в физической силе. Поэтому, когда без всякого предупреждения степняк напал, его встретила шипящая, сверкающая стальная мельница. Дважды разбойник делал быстрый, как удар змеи, выпад. Дважды его сабля со звоном отлетала, и он с трудом удерживал рукоять в пальцах. Такой защите Конана выучил человек, коего иногда полагали лучшим мечом Шадизара.

– Долго не протянем! – яростно выкрикнул разбойник и ударил снова. Острейшее лезвие чиркнуло по левому предплечью киммерийца, и Конан едва успел отразить удар.

«Он прав», – подумал Конан, но тут что-то изменилось. Его противник внезапно захрипел, выронил саблю и повалился ничком прямо в белую дорожную пыль. Киммериец увидел два коротких арбалетных болта, пробивших тканый золотом халат под левой лопatkой.

Варвар остановил уже порядком замедлившуюся «мельницу» и осторожно положил на дорогу иззубренный и покрытый пятнами крови меч. В нем все равно не было более нужды: остатки банды, не выдержав боя и даже почти не прихватив какой-либо добычи, уходили в пустыню. Караванщики недосчитываются многих, но о шайке Мерцающего Облака отныне можно говорить в прошедшем времени: всего десятка полтора всадников в лисьих шапках избежало расправы, из них только половина нахлестывали лошадей, торопясь скрыться, прочие же, очевидно раненые или обессиленные, едва держались в седлах.

* * *

– Конечно-конечно, никакой ты не герой. Тебе просто повезло. Сперва Мерцающее Облако чуть не стоптал тебя конем, а ты, ну по чистой случайности, вышиб его из седла – громы небесные, вот это был удар! Потом ты едва не четверть колокола выстоял против одного из лучших бойцов в Пустошах… Совершенно никакого геройства! Любой бы мог! – Дагоберт, рослый, светлоглазый и светловолосый, как все уроженцы Гандерланда, оглушительно захохотал и шутейно пихнул Конана в плечо свободной левой рукой – в правой гандер сжимал пивную кружку устрашающих размеров. Сидящие кругом костра воины поддержали шутку дружным смехом. – Да хватит тебе скромничать! Септах сказал – герой, значит, будешь героем!

– Эй, варвар, давай, выпей с нами!

- А с двумя мечами «мельницу» крутить сможешь?
- Вот и конец банде, да-а... Сколько мы их положили? А они наших?..
- Сабля у меня переломилась, а это степное чудище летит прямо на меня – ну, думаю, все, смахнет башку. Хватаю, что под руку подвернулось, и...

Вдоль крутого берега полноводного Хелиля, несущего свои вечно мутные воды к морю Вилайет, горели в ночи костры, то и дело слышались взрывы смеха и обрывки пьяных песен. Всякий новый кувшин вина или бочонок пива встречался ревом всеобщего одобрения. Торговцы, побывав на волосок от верной смерти, не скучились на доброе угощение собственной охране. Правда, владелец большого постоянного двора, непременной приметы любого крупного перекрестка караванных путей, мог только многословно извиняться и разводить руками – мол, пусть почтенные купцы простят недостойного, но вот уж третий караван нынешним вечером, мест нет, люди во дворе и так спят прямо на мешках... Ир'Аледаш плонул и приказал ставить шатры. Ночь выдалась на удивление теплая, и лучше провести ее под ясным небом, чем в душной вонючей комнатушке придорожного кабака. Вдобавок совсем близко, под защитой небольшого приземистого форта с надежным турецким гарнизоном, протянулся над водой мост через Хелиль. Значит, Аkit невдалеке, а остаток пути будет недолог и безопасен.

Скоротечный бой унес жизни двух с небольшим десятков караванщиков, нападающих же полегло самое малое вдвое. Впрочем, мертвых разбойников никто не пересчитывал, и хоронить их тоже не стали. Просто оттащили тела подальше в пески на поживу шакалам и воронью. Первая же песчаная буря занесет останки пустынных грабителей так, что ищи хоть нарочно – не отыщешь.

Внимания удостоился лишь труп их былого предводителя. Отрубленную голову Мерцающего Облака старшина воинов собственноручно залил крепким уксусом в небольшом бочонке (за нее власти Турана назначали немалую награду) и предложил сперва Конану как добытый в честном бою трофей. Киммериец с омерзением отказался. Септах недоуменно пожал плечами, и теперь жутковатый «трофей» покоялся среди прочих ящиков и бочек в повозке ир'Аледаша, дабы по прибытии в Аkit быть с триумфом переданным в городскую Управу.

Среди погибших возниц, приказчиков, писарей и воинов охраны имелись и туранцы, и шемиты, и кофийцы, и даже рыжебородый асир, давно уже ходивший с ир'Аледашем и встретивший смерть от разбойничьей стрелы. В Туроне предпочитали огненное погребение, кофийцы хоронили своих мертвцев в богатых саркофагах, шемиты – зарывали в землю... Ни один из этих ритуалов не удалось бы совершить посреди бесплодного моря песчаных дюн и нагромождения голых скал. Поэтому караван двинулся дальше, оставив обочь дороги большой каменный курган – керн, скрывший мертвые тела.

По крайней мере воин из далекого Асгарда таким последним пристанищем остался бы доволен.

Убытка имуществу купцов не воспоследовало, почитай, никакого – несколько убитых лошадей да пара вспоротых в спешке тюков не в счет. Гельге Кофиец, хоть и потерявший в схватке двух охранников из десяти, что шли с ним, сиял, как новенький империал, чего нельзя сказать об ир'Аледаше. Весь путь до переправы через Хелиль турецец проделал словно бы в глубокой задумчивости. Сейчас он в одиночестве курил кальян в собственном просторном шатре: силует, подсвеченный пламенем близкого костра, ясно выделялся на тонкой полотняной стенке.

Что же до Конана, то вокруг него в эту минуту было чрезвычайно шумно. Прибившиеся к костру воинов возчики-хауранцы – нынешним вечером сословные различия забылись – наладились сплясать *хетташи*, хауранский национальный танец, и Дагоберт безуспешно пытался аккомпанировать им на неведомо откуда вытащенной лютне. Молодой, не старше самого Конана, крепко сбитый туранец по имени Хали, без устали подливая варвару вина, подбивал его побороться на поясах, с другой стороны вино киммерийцу подливал Самдик из Аграпура, вдохновенно расписывая прелести туранских танцовщиц. Кто-то рассказывал в третий или четвертый раз про свою доблесть в недавней стычке, другой хвастался добытой в бою симитаррой из узорчатой вендийской стали. У соседнего костра веселились тургауды Гельге Кофийца – оттуда доносился грохот сталкивающихся кружек и похабные песни, исполняемые кто во что горазд, но с большим воодушевлением.

– ...В самом деле, Конан, что тебе делать в этом Аките? Скажу я тебе, дыра дырой! Пойдем до Хоарезма, я тебе покажу такое, чего ты в жизни не видал! Вот представь, в прошлом году мы с Ишмиком...

– Да погоди ты со своим Ишмиком! – воскликнул Хали, воздевая к черному небу руки в жесте возмущения. – Ставлю на кон этот вот кинжал из самой Зингары против твоего дырявого плаща, что побью тебя на поясах, киммериец! Я был лучшим в квартале кулачным бойцом, клянусь рукой Эрлика, мне случалось стоять против троих разом и выйти победителем! Ну, разомнемся?

– Идет, – согласился варвар, поднимаясь. Он не любил хвастунов, к тому же, сколько ни старался добросовестно напиться, в этот вечер чувствовал себя трезвеем трезвого. Туранец же, вставая, покачнулся и едва не сверзился в костер.

Немного доблести будет, если я его повалю, подумал Конан, стягивая через голову рубаху. Туранец уже швырнул свою рубаху наземь, рядом вонзил упомянутый кинжал и выпрямился, играя внушительными мускулами. Его кожа влажно блестела в свете костра.

– Эй, там! – зычно крикнул Самдик, вскакивая. – Дайте места! В круг, в круг! Потеха воинов!

– Хур-р! – раздались одобрительные выкрики со всех сторон. – В круг! Потеха воинов! Самдик, добровольно взявший на себя обязанности судьи, спросил:

– Готовы? – и, получив утвердительный ответ, взмахнул рукой промеж поединщиками, приглашая к схватке.

Конан не знал правил, но не раз участвовал в кулачных поединках в своем родном клане, еще будучи мальчишкой, и подозревал, что различие невелико. Кроме того, он полагался на свою силу и пару-тройку хитрых уловок, показанных ему приятелями по развеселой и не всегда безопасной шадизарской жизни. Едва Самдик подал сигнал, туранец бросился, пригнувшись, вперед, срабастал варвара за шею и попытался свалить самой обычной подножкой. Конан без особого труда вывернулся и попробовал в ответ провести захват противника за шею сзади.

Круг расширялся – привлеченные азартными воплями, подходили новые зрители.

Дважды полетев спиной вперед на землю, Конан стал осторожнее. Хали с самого начала провел его, показав, будто едва держится на ногах, тогда как на самом деле был не так уж пьян. К тому же он и впрямь отлично владел приемами туранской борьбы, которых киммериец, естественно, не знал. Когда варвар, лихо прокатившись по траве во второй раз, в ярости попытался использовать свой излюбленный прием «кулаком под ложечку», зрители возмущенно засвистели, а «судья» развел поединщиков и укоризненно поцокал языком.

Впрочем, и Хали, испытав киммерийца, держался настороже.

Они снова сошлись, и на сей раз Хали поднырнул под расставленные руки Конана, пытаясь схватить его под коленями и опрокинуть на спину. К этому моменту варвар уже уяснил из раздающихся вокруг азартных воплей, что для победы в поединке туранец должен приложить его к земле одной или двумя лопатками либо удерживать в захвате не меньше десяти ударов сердца. Значит, нужно обязательно устоять и не позволить Хали завладеть положением. Поэтому, лишь только заметив атакующее движение туранца, Конан чуть отпрянул в сторону и сам подался навстречу противнику. Земля стремительно пронеслась перед его глазами, потом мелькнул частокол ног, обступивших тесный круг. Киммериец почувствовал, как мощные мускулы Хали окаменели в попытке разорвать захват, удвоил нажим, перекинул руку...

— ...Восемь! Девять!! Десять!!!

— Киммериец выиграл!

— Варвар победил!

Конан обнаружил, что прижимает туранца к земле захватом, при котором продетые под мышки противника руки сплетены в замок на его затылке. Он расслабил пальцы, встал и помог подняться Хали. Парень тяжело дышал и потирал шею, но улыбнулся Конану без малейшей обиды.

— Кинжал твой, — просто сказал туранец. — Хорошо дерешься. Кто тебя научил «железному замку»?

Конана хлопали по спине, кто-то сунул ему в руку кубок с вином, который варвар осушил одним глотком. Круг не расходился — по примеру первых поединников на спор вышли Дагоберт и один из тургаудов. Конан, натянув рубаху, хотел было присоединиться к зрителям, но тут чьи-то железные пальцы крепко взяли его за плечо.

— Иди за мной, — сказал Септах. — Тебя хочет видеть хозяин.

Киммериец невольно бросил взгляд на просторный шатер ир'Аледаша и отметил, что на полотняной стенке появилась еще одна тень.

* * *

Септах проводил киммерийца до самого шатра, откинул перед ним полог, но сам остался снаружи. Конан вошел, гадая, что может означать эдакое приглашение. За время короткого пути до хозяйской палатки он обдумал возможные подвохи и рассудил, что повода для немилости он ир'Аледашу вроде не давал. Стало быть, разговор предстоит вполне приятный и для него, Конана из клана Канах, возможно, небесполезный. Внутренность шатра освещали несколько вычурных масляных фонариков вендинской работы. Как видно, в масле, питавшем фитили лампад, содержались благовония, и от их сладкого, густого аромата у варвара на миг закружилась голова.

Ир'Аледаш восседал на вышитых подушках. На Конана он даже не посмотрел. Только зерна четок из темно-алого граната ритмично пощелкивали в пальцах караванщика. У его ног стоял странный длинный сосуд с множеством тонких трубок и низенький столик, уставленный пиалами со следами вина и плоскими чашами с фруктами и сластями. Над

узким горлышком сосуда вился еле различимый дымок.

В шатре присутствовал еще один гость – дородный, роскошно одетый бородач с толстой золотой цепью на груди, выпущенной поверх просторной фиолетовой туники. Этот, в отличие от хозяина, глянул на киммерийца с явным интересом.

«Помнится, Ши настойчиво советовал мне почаще попадаться на глаза Гельге Кофийцу, – припомнил Конан наставления приятеля. – Вот случай и выдался».

Не совсем представляя, как себя вести и что говорить, Конан счел, что сообразнее дождаться первого слова хозяина и лишь слегка поклонился, остановившись как раз на границе пушистого иранистанского ковра, устилавшего пол в палатке.

Кофиец хмыкнул – скорее благосклонно, нежели презрительно.

– Сей юноша либо отменно воспитан, что большая редкость для полуночных варваров, либо страдает немотой, – промурлыкал он. При звуках этого голоса киммериец немедля подумал о толстом степном коте-мануле, домашнем, раскормленном и... безобидном? Ну уж нет. Несмотря на добродушную внешность и вальяжные манеры, Конан, научившийся немного разбираться в людях, чуял в дородном кофийце умелого и беспощадного бойца. Лицо у Гельге было умное и жесткое, а сложенные на груди руки, хоть и напоминали окорока, при желании могли, наверное, с легкостью гнуть подковы. – Надеюсь на первое. Ведь ты умеешь говорить, юноша? У тебя есть имя?

– Назовись, – буркнул ир'Аледаш, решив, что настало время ему поучаствовать в беседе, но по-прежнему не поднимая глаз.

– Конан... Из клана Канах.

Последнее Конан добавил после крохотной, но, увы, не упущеной Кофийцем заминки, что послужило поводом для приступа угробного смеха.

– Наслышен, наслышен, – отсмеявшись, проговорил купец, выбирая виноградину со стоящего на ковре плоского подноса. – Премного наслышен о привязанности воинов Полуночи к древним традициям и всякого рода диковинным обычаям. Скажи мне, доблестный Конан из клана... э-э... Канах, в который раз ты сопровождаешь торговый караван?

Киммериец бросил вопросительный взгляд на ир'Аледаша. Тот кивнул – можно, мол.

– Первый, – честно признался варвар.

– Первый, – задумчиво повторил кофийский торговец. – И что заставило тебя бросить привычное ремесло... Кстати, чем ты занимался прежде?

Ир'Аледаш снова дал Конану знак отвечать, однако варвар медлил вовсе не за его разрешением. Как объяснить Кофийцу род занятий юного выходца из полуночной страны в славном Шадизаре, именуемом Столицей Воров? Притом неизвестно, что хуже – сказать, что воровал или что служил в Сыскной Когорте, пусть и недолго?

– Когда я впервые появился в Заморе, мне было всего шестнадцать, – издалека начал Конан. – Я был болен, и из имущества со мной оставался только меч. Помогли добрые люди, выходили...

Нашедший Корни Радуги нетерпеливо взмахнул пухлой кистью.

– Словом, воровал, – непреклонно заключил он. Конан не стал спорить. – Хотя постойка... Ты пришел в Шадизар в шестнадцать лет, один... имея с собой меч – довольно дорогую вещь, оружие воителя? И тебя не убили по дороге, не отобрали клинок, ты не продал его ради пропитания? Откуда же ты явился?

Конан пожал плечами:

— Чтобы это объяснить, мне придется отнять у почтенных господ торговцев слишком много времени, а оно чересчур драгоценno, чтобы тратить его на подобные пустяки.

— Поразительно вежливый юноша, что за чудо! — восхитился Гельге. — Н-ну, хорошо. Поведай нам, о бриллиант среди варваров — в каком возрасте ты убил своего первого врага?

На такой вопрос Конан ответил уверенно:

— Позапрошлой зимой. Мне как раз исполнилось четырнадцать.

Гельге переглянулся с ир'Аледашем и произнес наставительно:

— Четырнадцать, *господин*. Когда обращаешься ко мне, всегда добавляй «господин».

— Меня нанимал господин ир'Аледаш, — хмуро ответствовал Конан, — и от него я получаю вознаграждение. И подчиняюсь только ему, не в обиду будь сказано досточтимому Гельге.

Кофиец и не подумал обижаться на возомнившего о себе неотесанного охранника. Казалось, его целиком и полностью занимает дегустация спелой грозди мускатного винограда.

— Неплохо, неплохо, — пробурчал он, отправив в рот с десяток громадных розовых, покрытых сизым восковым налетом ягод, — но с моим ни в какое сравнение... А ты еще и гордый к тому же, — последнее замечание адресовалось киммерийцу. — Гордый, храбрый, похоже, неглуп, честен до неприличия и дивно хорош в любой драке — редкое сочетание качеств, которые мне требуются. Так слушай внимательно, гордое, но пока не слишком разумное дитя Полуночи! Шакалы Мерцающего Облака, да сгрызут демоны его вонючую печень, убили двух моих тургаудов. Не то чтобы мне настолько необходимы охранники, но я часто путешествую и привык, что вокруг возка с моим гербом трясутся в седлах ровно десять человек, знающих, с какой стороны берутся за меч. Десяток — ни меньше, ни больше. В отличие от почтенного ир'Аледаша, людей в этот десяток я отбираю сам. Чтобы стать телохранителем Гельге Кофийца, мало выказать доблесть в бою. Скажем, Тхиммас из Стигии — один из охранников каравана — сойдясь с тобой на саблях, накромсал бы тебя тончайшими ломтиками меньше чем за сто ударов сердца, однако вороват. Хали, с которым ты недавно боролся в кругу, тоже неплохой боец, но тщеславнее аграпурского вельможи. Имей в виду — он смертельно оскорблен своим поражением и затевает сделать так, чтобы ночью к тебе под плащ заполз черный скорпион. За тобой же я наблюдаю уже давно... и то, что вижу, меня радует.

Гельге затрясся в очередном приступе своего странного нутряного хохота.

Конан терпеливо дождался, пока купец отсмеется, и сказал:

— Ты спрашивал, отчего я покинул Шадизар. Досточтимый Гельге, я ушел с караваном, чтобы набраться опыта, посмотреть мир...

— Заработать денег, — понимающе бросил Кофиец.

— И это тоже. Просто я хочу сказать, что не гожусь на роль няньки при гареме или домашнего телохранителя, — пояснил Конан.

Глаза Гельге метнули молнии:

— Ты слишком много себе позволяешь, варвар! Смотри, как бы я не разочаровался в твоих достоинствах! Разве я говорил, что тебе предстоит стереть мой сон под дверью или развлекать моих скучающих жен, пока я веду торговлю? Сет Чревоходящий, да я побывал в таких местах, которые твоему нынешнему господину даже не снились! Я доходил до стран, где люди ходят обнаженными и почитают саранчу редким лакомством, иставил свой шатер там, где Земли Обитаемые обрываются в Последний Океан! В моем саду...

Купец осекся и сердито взмахнул рукой.

— Словом, ты не засидишься на месте, это я обещаю. Что еще?

— Согласен ли досточтимый ир'Аледаш... — начал киммериец.

— Согласен, — отрезал Гельге. Туранец молча кивнул и приложился к кальяну — тому самому подозрительному сооружению с трубками — крепко потянув сладковатый дым из ближайшего мундштука. Кальян испустил сипение, похожее на предсмертный хрип. Кофиец бросил на ир'Аледаша раздраженный взгляд.

— Еще?

— Досточтимый ир'Аледаш платит мне тридцать ауреев за седмицу пути, если же воин проявил храбрость и не щадил себя, защищая купца и его имущество... — зачастил Конан, уже твердо решив, что жребий ему выпал счастливый и он, конечно, согласится — но нужно же сперва поторговаться!

«Ши меня бы отлично понял», — думал киммериец, перечисляя такие немаловажные для воина вещи, как кормежка за счет нанимателя, приобретение на казенный кошт нового оружия, буде поломается старое, или коня, ежели имеющийся напьется из отравленного колодца и издохнет...

Гельге Кофиец слушал варвара, склонив голову на плечо и изобразив на лице нечто среднее между брезгливостью и скукой. В конце концов он приподнял обширное седалище, бормоча: «Где-то тут, по-моему, завалялось...», чем-то погремел, позвенел под собой и, выпрямившись, швырнул Конану пузатый воловьей кожи мешок.

Киммериец сбился и замолк на полуслове. Судя по весу и если считать на ауреи, в мешке лежало сотни три монет. «Кром и Митра, — восторженно подумал Конан. — Кого убить?!»

— Это задаток, — скучающе сообщил Гельге, словно речь шла о чем-то крайне обыденном. Для купца, видимо, так оно и было. — Далее десять ауреев в день. О прочем справишься у моего начальника стражи, его зовут Фидхельм. Получишь у него новую одежду — мои воины, как ты наверняка заметил, носят цвета дома Гельге — и новое оружие. Мясницкий секач, которым ты чуть не прикончил Мерцающее Облако, подаришь кому-нибудь на долгую память. Коня возьмешь своего. С почтенным ир'Аледашем мы рас прощаемся завтра. Караван отправится в Аkit, а мы... Мы поедем в другую сторону. Можешь идти.

— Слушаюсь, господин Гельге, — ответил Конан, поклонился и покинул шатер, столкнувшись на выходе с недоумевающим Дагобертом в сопровождении все того же Септаха.

В мешке, полученном от Гельге, оказались туранские империалы, числом двести пятьдесят. Отойдя в сторонку, подальше от любопытных глаз, Конан долго жмурился и шевелил губами, пытаясь сосчитать, сколько же это будет на ауреи. Если он не ошибался, получалось примерно вдвое.

«Ши был дважды прав, — киммериец прикинул, куда бы спрятать тяжеленький мешок. — Во-первых, стоило вовремя попасться на глаза Кофийцу. Во-вторых, раскормленный котяра впрямь умеет отыскивать корни радуги. Но разрази меня гром, как этот сладкоголосый змей вызнал, что Тхиммас — вор, а Хали заимел на меня зуб?!»

С большим караваном расстались, как и обещал Кофиец, на рассвете. Вереница подвод и тяжело навьюченных верблюдов потянулась к переправе, а вдоль берега Хелиля отправился на Закат караван гораздо меньший. Удивительно, но весь обоз баснословно богатого Гельге состоял из единственного крытого фургона, того самого, с изображением летящего орла, и трех телег с походным снаряжением и припасами. Фургон был тяжеловат – четверкаолов тянула его с трудом. Рядом с телегами неспешно брали шесть прекрасных верблюдов бишаринской породы, каждый нагружен двумя объемистыми выюками.

Малое количество груза подсказывало Конану единственно правильное толкование – Кофиец возвращается домой после краткой, но удачной торговли где-то в закатных городах: Нумалии или самом Бельверусе, гордой столице Немедии. Общительный Дагоберт еще до обеда, переговорив с новыми спутниками, подтвердил его предположение, а начальник стражи, наставляя новичков перед отправкой, настрого предупредил: что бы ни стряслось, в первую голову беречь фургон. Сам он, кстати, в нем и ночевал, а в пути неотрывно рысил рядом на своем породистом хауренском жеребце.

Ближе к закату караван свернул, мутная лента Хелиля скрылась из виду. Места пошли более обжитые. Заночевали на постоялом дворе в какой-то деревушке, где появление Гельге вызвало, пожалуй, больший переполох, чем визит коронованной особы. Испуг местных жителей Конан приписал извечному страху селян перед любой властью – а Кофиец, несомненно, являлся в этих краях чуть ли не всесильным повелителем. И все же киммериец, привыкший за годы не самой беззаботной жизни все замечать и ничему не удивляться, подметил одну странность. Кое-кто из местных, низко кланяясь торговцу, украдкой делал жест, предохраняющий от дурного глаза.

На следующий день маленький караван все так же продвигался на Закат. Часто встречались крестьянские подводы, возницы, едва завидев всадников в черно-зеленых одеждах, поспешно сворачивали на обочину. Потом по обе стороны дороги потянулись ухоженные виноградники. К этому времени Конан уже знал, что виноторговля приносит дому Гельге основной и немалый доход и что до усадьбы достопочтенного купца осталось не более одного дневного перехода. Тургауды заметно повеселились. Дагоберт, взглядом испросив у Фидхельма разрешения, достал из чехла лютню и затянул песню, немедленно подхваченную прочими телохранителями.

По лесам зелено-синим,
Ясным, как стекло,
Я иду, куда случайным
Ветром занесло.
Долог путь через коренья,
Что же мне не петь?
До ближайшего селенья
К ночи не успеть.
Впереди огонь мерцает, позади вода,
На воде две утицы оставили следы.

Хороша моя дорога, гладка и тверда,
Не сверну с нее к огню, не наберу воды...[\[1\]](#)

Подобным образом гандер развлекал спутников на каждом биваке и своим искусством снискал некоторое уважение среди тургаудов. Даже суровый начальник стражи не имел ничего против – как выяснилось в эти дни, Дагоберт вполне сносно управлялся с лютней, да и голос у него был неплох. Слов теперешней песни Конан не знал, о своих музыкальных талантах был невысокого мнения и потому в хоровом пении не участвовал. Но положительно, служба у Гельге Кофийца начинала ему нравиться. «Кром Заступник, – думал он с радостным недоумением, – я сыт, одет, оружен, вроде как при деньгах и в неплохой компании. Мир посмотрю, если Кофиец не врет – а не похоже, чтоб врал... Может, наконец повезло? Если б еще не одно обстоятельство...»

«Обстоятельство» по имени Фидхельм ехало сзади на кауром жеребце и хмуро поглядывало по сторонам.

...Это случилось в первое же утро после достопамятного разговора в палатке ир'Аледаша. И вновь повторилось на второе. На третье тоже.

Последние ключья ночного тумана еще стелились над жесткой травой...

– Подъем! Оружие – к бою!!!

– Чтоб тебя вспучило, – пробормотал Конан, поспешно выскачивая из-под теплого плаща и выхватывая свой новый клинок из лежащих рядом ножен. Рядом точно так же взметнулся Дагоберт – по пояс голый гандер сжимал в правой руке меч, левой протирал глаза, бормоча что-то нелестное на неведомом наречии. Что удивительнее всего, прочие тургауды к тому времени не только оказались на ногах, но и успели натянуть сапоги, а кое-кто, похоже, даже наскоро размялся перед неизбежным учебным боем. – Как они только успевают, порази меня короста... Да разве это в человеческих силах?!

Впрочем, киммериец начал крепко подозревать, что более опытные и хорошо изучившие повадки месьора Фидхельма спутники попросту встают чуть раньше, еще до того, как рык упомянутого месьора и его крепкий пинок выдернут их из походных постелей. Сам Конан по первой рассветной тревоге вскочил как угорелый, запутавшись в плаще, удостоившись дружного хохота остальных воинов и на целый день сделавшись мишенью для ехидных вопросов – дескать, не укусила ли варвара в седалище земляная оса и не приснилась ли ему, упаси Митра, его варварская невеста. На следующее утро киммериец, от подобного к себе отношения впавший в меланхолию, нарочно не спешил покидать теплое ложе и незамедлительно о том пожалел. Месьор Фидхельм, «Орел Шестого легиона», как его шепотом и с оглядкой именовали подчиненные, был скор на расправу и весьма тяжел на руку.

В «войске» Гельге несли охранную службу по большей части выходцы из Кофа и Турана – как на подбор, рослые, опытные воины и умелые наездники. По сравнению с большинством из них Конан выглядел просто подростком, недавно вступившим в пору настоящей мужской зрелости, более старший Дагоберт – лишь немногим солиднее. Неудивительно, что лишенные развлечений тургауды подтрунивали над обоими. Шутки носили по большей части безобидный характер, но и они мгновенно прекращались, едва в поле зрения появлялась коренастая фигура начальника стражи.

Родом Фидхельм был из Немедии (поговаривали, чуть ли не из благородного семейства), дослужился в упомянутом легионе до звания сотника, но, будучи разжалован за неизвестную

провинность, подался на вольные хлеба. Чем занимался бывший легионер перед тем, как судьба свела его с Гельге, никто не знал. Все, однако, сходились на том, что Фидхельм – правая рука хозяина и что лучше выйти на разъяренного быка с палкой от метлы, чем с Фидхельмом Легионером на мечах. «Орел Шестого легиона» обладал приметной внешностью: кряжистый, длиннорукий, с кривыми ногами кавалериста и круглой красной физиономией любителя горячительных напитков. На левом бедре Фидхельм носил короткий широкий меч, на поясе с правой стороны – длинный кинжал. Голос Легионера, пронзительный и тонкий, раз и навсегда сорванный строевыми командами, являл собой разительное несоответствие с воинственным обликом начальника стражи, но всякий, кто хоть раз заглядывал в яростные желтые глаза немедийца, мигом терял охоту шутить на этот счет.

Будучи при рожденным воякой, месьор Фидхельм впитал в себя все лучшее и все худшее от порядков легионерских казарм, а потому шуток, за исключением собственных, не понимал.

– Хатадир – с Мугдашем! Кайелан – с Дагобертом! – начальник стражи быстро прошел вдоль неровного строя, разбивая воинов на пары для учебного поединка. Ритуал неуклонно повторялся каждое утро, и, как заметил Конан, всякий раз сходились новые противники. Ему самому уже довелось на славу порубиться с сильным, но медлительным Хатадиром и наставить синяков Дагоберту. – Соджир и Хатлави, ир'Габали и Нуксад! Приготовиться!

И имени Конана не прозвучало.

– А я? – спросил киммериец, заранее догадываясь об ответе, который ему совершенно не нравился – ведь из десятка воинов оставался только сам Легионер. Кайелан, противостоявший Фидхельму вчерашним утром, до сих пор кривился от боли в боку.

Фидхельм одарил новичка взглядом, каким обычно удостаивают зловонную лужу, зевнул и демонстративно почесал живот.

– Начали! – рявкнул он. Четыре пары клинков – не учебных, тупых и безопасных, а старательно заточенных боевых – слитно лязгнули друг о друга. Начальник стражи постоял, уперев руки в бока и задумчиво взирая на только-только начавшее розоветь небо, и наконец обратил внимание на недоумевающего Конана:

– Ба, ты еще здесь?! Послал же Митра орясину! Брось-ка свою железку да сбегай к костру прислуги. Проверь, готово ли мясо, да живо тащи сюда, коли готово! Ну, пошевеливайся!

Его, воина, низвести до уровня поваренка! Такого поношения Конан снести не мог. В глазах у киммерийца помутилось, и лишь когда меч Фидхельма играючи отвел первый яростный удар, а сам Легионер довольно захохотал, Конан понял, что его вновь разыграли – на сей раз в лучших традициях немедийских казарм. «Хорошо же, – подумал варвар, вкладывая в последующие выпады всю свою силу и умение, – я тебе покажу!...»

Что и каким образом он собирался показать Фидхельму, Конан додумать не успел – становилось жарковато.

В свое время, едва покинув шатер ир'Аледаша, варвар навестил начальника стражи и вкупе с прочим надлежащим барахлом обзавелся великолепным мечом взамен прежнего, куда более прочным, легким и удобным, с простой прямой крестовиной и рукоятью на полторы ладони, обтянутой шершавой акульей кожей. По сравнению с ним былой нордхеймский клинок и впрямь казался мясницким тесаком. В фургоне, куда Конан полез выбирать оружие, хранились и другие мечи, украшенные гораздо роскошнее, но, как

выразился Фидхельм, «эти – для парада, не для боя». Варвар был без ума от нового и явно дорогого приобретения. Он даже подумывал дать своему любимцу какое-нибудь благородно звучащее наименование – носили же собственные имена легендарные клинки древних героев! И сейчас, с замечательным новым мечом, Конан чувствовал, что сражается просто великолепно... вот только короткий и ничем не примечательный гладиус начальника стражи почему-то все время оказывался чуточку быстрее. И точнее.

Сперва Легионер просто отражал атаки Конана, почти не двигаясь с места – так, самое большее на пару шагов. Потом перешел в атаку. Несколько раз его меч мог коснуться киммерийца – бедро, грудь, левый бок – оставив при этом неглубокий порез, и тогда бой завершился бы символической победой Фидхельма, однако немедиец не торопился, видимо, продлевая удовольствие. Конан попробовал применить «мельницу», столь удачно отразившую легкую саблю Мерцающего Облака. Фидхельм сделал что-то, чего глаз киммерийца не уловил, и грозное жужжание «мельницы» немедленно сбилось, а острие варварского меча самым постыдным образом вонзилось в землю, так что Конан чуть не выпустил рукоять.

Фидхельм отступил немного, давая противнику возможность вновь приготовиться, и отпустил ядовитую остроту касательно бревен, камней и волосатых уроженцев Полуночи.

Конан мог бы сдаться без особого урона для воинской чести, ведь превосходство противника было слишком явным. Тот же Кайелан, куда как опытный боец, и все же... Но при одной только мысли о том, чтобы положить меч и признать себя побежденным, киммерийца охватила странная мгновенная слабость, почти сразу сменившаяся холодной боевой ненавистью.

Он поднял меч. В эту минуту Конан из клана Канах перестал существовать, слившись на время со сверкающей полосой клинка, став его продолжением, молниеносным и нерассуждающим. Время замедлило свой бег, как тогда, в Пустоشاх, во время нападения бандитов Мерцающего Облака на караван. Со спокойной отстраненностью киммериец наблюдал, как его меч останавливает очередную атаку Фидхельма. Контрвыпад. Отменно острое лезвие проскальзывает в опасной близости от груди Легионера, еще чуть-чуть и...

Чуда не произошло. Фидхельм отскочил, тяжело дыша и утирая – небывалое дело! – внезапно взмокшее лицо ладонью, а на плече киммерийца появилась узкая алая полоска. Только тут Конан понял, что, кроме них двоих, уже никто не звенит мечами, а на грубоносых лицах тургаудов застыло одинаковое выражение удивления. На пороге своего шатра, приподняв полог, стоял Гельге и наблюдал за схваткой – вероятно, давно и с большим интересом.

Фидхельм Легионер бросил свой меч в ножны. Взгляд, брошенный им на юного варвара, также был удивленным, однако сквозило в нем и немалое беспокойство. Впрочем, как настоящий командир, «Орел Шестого легиона» умел извлекать выгоду даже из невыгодной для него ситуации.

– Все видели? – рявкнул он. – Если бы каждый из вас, белоручек, умел драться как этот варвар, те двое не гнили бы сейчас под камнями, ясно? Соджир, Хатлави, чего стоите разинув рты? Идите, наподдайте под зад поварам! Умерли они там, пожри их Сет?! Остальным начинать сворачивать лагерь. Доброго утречка, господин Гельге. Хорошо ли спалось?..

Пока руки киммерийца были заняты нехитрой утренней работой, самого Конана неотступно преследовала одна мысль.

Как бы отыскать укромное местечко и разучить на досуге тот удар, которым Легионер

достал его под конец поединка? Конан отлично разглядел и сохранил в памяти каждое движение противника, чему, кстати, сам поражался, ибо немедиец двигался с быстротой атакующей кобры. Странное умение молодого варвара, похоже, вынудило начальника стражи применить некий прием из секретного арсенала, один из тех, от которых нет защиты.

И что-то подсказывало Конану, что подобное знание может оказаться нeliшним.

...На закате солнца караван въехал в ворота усадьбы «Рубиновая лоза».

* * *

К высокой, увитой плющом арке ворот, по обеим сторонам которой стояли потемневшие от времени мраморные вазоны в рост человека, дорога вела сквозь двойной ряд стройных красавцев-кипарисов. Чтобы вырастить эти деревья в засушливых хауранских землях, требовалось недюжинное искусство садовника и великолепно продуманная система подводки воды. То и другое наверняка стоило больших денег. Впрочем, в поместье Кофийца все так и получилось достатком.

Приземистый двухэтажный дом с мощными стенами, сложенными из огромных глыб розового туфа, со множеством пристроек, виден был издалека. Его окружала полукольцом каменная стена не менее шести локтей высотой, и подняв глаза, Конан заметил на гребне этой почти крепостной стены часто насаженные железные пики с выгнутыми наружу остриями. Для уединенно живущего богача – вполне разумная мера предосторожности. Задняя часть дома врезалась в нависший над небольшой лощиной склон холма.

Сам по себе дом не выглядел новым. Камень стен заметно выцвел под палящими солнечными лучами, скрепляющий плиты раствор местами выкрошился – но черепичную крышу явно перекрывали совсем недавно, ступени широкой лестницы, ведущей к центральному входу, сверкали мраморной белизной. Некоторые пристройки (в коих, судя по виду, размещались склады, мастерские и стойла для скота) даже на неискушенный взгляд Конана были гораздо моложе центрального строения. Впрочем, все, что относилось к прозаической стороне земного бытия и могло хоть как-то омрачить отдых досточтимого владельца усадьбы, искусно пряталось за зелеными насаждениями либо лепилось на задачах поместья, у самого склона холма.

Новоприбывших встречали. Трое оружных стражников, в таких же одеждах, что и сопровождавшие купца тургауды, согнулись перед Гельге в почтительном поклоне. Ворота, как отметил наметанный взгляд киммерийца, были более чем прочные – из переплетенных особым образом железных полос, сваренных меж собой, – при том, однако, производя впечатление ажурности и изящества. За воротами виднелся прекрасно ухоженный сад. Слышалось журчание воды в фонтанах и пение невидимых птиц. Надвратную арку украшала затейливая кофийская вязь, складывающаяся в название поместья.

Если кое-кто из тургаудов и посматривал украдкой на новичка из далекой горной Киммерии, предвкушая неумеренные восторги неотесанного варвара при виде роскошного поместья и готовя по такому случаю соленую солдатскую шуточку, то насмешника ожидало полное разочарование. Конану доводилось бывать в домах шадизарской знати (как правило, без приглашения), и он давно разучился робеть при виде чужого богатства. Зато Дагоберт не

сдержал восхищенного возгласа:

— Иштар Всеблагая, какая красота! Трижды мудр решивший поселиться в столь дивном месте!

— И счастлив способный оценить красоту творения, — ответил мелодичный женский голос за воротами. Гельге на своем вороном первым въехал под арку, воинам пришлось задержаться и спешиться, пропуская громоздкий фургон. — Наконец-то ты вернулся, любимый! Как же я скучала!

Дагоберт, похоже, отнес приветственные слова прекрасной незнакомки на свой счет. По его физиономии расползлось столь блаженное выражение, что тургауды совершенно невместно разразились громовым хохотом, незамедлительно пресеченным окриком их командира:

— Молчать, сыны свиньи! — Фидхельм выбросил вперед жилистую лапу и огrel нездачливого гандера промеж лопаток, да так, что бедняга с трудом устоял на ногах, вцепившись в поводья своего коня. — Ты, белобрюсый, и варвар, оба имейте в виду: замечу чью-то рожу ближе пяти шагов от госпожи Вивии — уши отрежу и сжевать заставлю!

— Госпожа Вивия — это... — начал Конан, но в этот миг задок фургона с летящим орлом на зеленом фоне, хрустя колесами по гравию, пересек наконец линию ворот, и вопрос киммерийца отпал сам собой. Конан увидел госпожу Вивию Ханаран, супругу Гельге Кофийца.

Вивия Ханаран по всем канонам являлась красавицей. Прежде всего, страсть Гельге к всяческого рода редкостям отразилась и на выборе спутницы жизни. Вивия, несомненно, происходила откуда-то из Закатных или даже Полunoчных стран, о чем свидетельствовала ее молочно-белая кожа, огромные изумрудные глаза и волосы цвета червонного золота. Среди черноволосых, черноглазых и смуглых женщин Полудня она выделялась бы подобно белому голубку в стае ворон. Узкое темно-зеленое платье со скромной вышивкой и тонким серебряным поясом подчеркивало великолепную фигуру молодой женщины. Вообще зеленый цвет ей поразительно шел, хотя Конан подозревал, что и любой иной смотрелся бы не хуже в сочетании с почти безупречной красотой госпожи Вивии.

Едва только увидев и осознав сие редкостное совершенство (а также поймав свирепый взгляд Гельге Кофийца, коим он, прежде чем заключить жену в объятия, ожег двоих новичков), Конан сделал на удивление зрелый вывод о необходимости держаться от Вивии Ханаран как можно дальше. Смешно даже и думать, решил он, что сия девица заинтересуется простым воином, разве из одной скуки или по случайной прихоти, а вот неприятностей из подобного интереса может произстечь ой как много.

«Жизнь скучнее, зато уши целее», — рассудил варвар и глянул на Дагоберта, желая увериться, что приятель полагает так же.

И убедился, к своему ужасу, что белобрюсый гандер не сводит с красавицы влюбленных глаз.

* * *

— ...Она из Аквилонии, можешь себе представить? — восторженно заливался Дагоберт

спустя два дня. – Правда, не из самой Тарантии, ну что с того? Ее отец – аристократ, аквилонский дворянин. У ее семьи небольшое поместье недалеко от городка... как его... забыл. Вот откуда эти царственные манеры! Эта вольность мыслей! Изящество во всем! Эта осанка...

– Под ноги смотри, – буркнул киммериец. Стояла глухая ночь, тонкий серп молодой луны то появлялся в просвете облаков, то снова исчезал, предоставляя стражникам пробираться по саду Гельге в кромешной тьме. Нынешней ночью обходить дозором границы усадьбы выпало им двоим. – Наступиши в цветник – Фидхельм тебя вчетверо сложит. Как ты прошел, откуда она родом? Неужто у самой Вивии спросил?

– Ну-у... – неопределенно протянул гандер. – Это только ты у нас нелюбопытный. Кое-что Кайелан рассказал. И Соджир, он давно уже у Гельге служит. Но больше всех знает Кетлик. Он – один из того десятка, что оставался сторожить поместье, пока хозяин был в отъезде. Так вот он говорит...

Кетлика, красивого белозубого шемита родом из достославного Шадизара, почти все тургауды любили за веселый и покладистый нрав, а хозяева ценили за кое-какие редкостные умения. Никто лучше его не управлялся с кинжалом, кроме того, парень видел в темноте, как кошка, и умел прекрасно ладить с жуткими сторожевыми псами, которых содержали в вольере в дальнем углу сада и которых побаивался даже сам Фидхельм. Конан довольно близко сошелся с шемитом, когда выяснилось, что они имеют некоторых общих знакомых в Сахиле и Нарикано и единодушны в восторженной оценке определенных веселых заведений Ак-Сорельяны. Парень любил прихвастинуть своими успехами на любовном поприще и, похоже, не врал. Во всяком случае, молодые смазливые служаночки, коих Гельге держал при кухне и на всяческой уборке в огромном доме, при встречах с Кетликом становились как-то особенно рассеянны и начинали стрелять бойкими глазками. Поэтому упоминание имени Кетлика в нынешней беседе встревожило Конана.

При всех своих достоинствах шемит, увы, не относился к умеющим крепко держать язык за зубами. Если скучающая Вивия в отсутствие супруга позволяла себе какие-либо вольности... и учитывая непонятный талант Кофийца знать все обо всех... Кетлик, а следом за ним и влюбчивый Дагоберт, могли оказаться в большой беде.

– ...ты слушаешь?

– А? – вздрогнул Конан, и очень кстати – еще миг, и витающий в своих любовных грезах гандер наступил бы на большой стеклянный колпак, прикрывающий нечто маленькое, зеленое, колючее и уродливое, то есть наверняка крайне редкое и невообразимо ценное. Поспешно выброшенная рука Конана удержала его от подобной оплошности. – Нет, не слушаю. Я глухой. Зато ты – кривой на оба глаза.

– Эй, варвар!..

– Вон там беседка. Пойдем-ка присядем.

Они направились туда, где в сплетении ветвей притаилась небольшая деревянная постройка в туранском духе – одно из местечек на достаточно длинном пути вдоль высокой, почти крепостной стены, где разрешалось остановиться и передохнуть. Из беседки можно было видеть достаточно далеко вокруг, оставаясь притом незаметным для чужих глаз. Другое дело, что холодной бессонной ночью двум приятелям не помешала бы фляжка чего-нибудь согревающего кровь, но вот согревающее в дозоре запрещалось самым строгим образом. На глазах Конана начальник стражи однажды расправился с Хатлави, учаяв исходящий от него перегар – одними кулаками, не прибегнув к дубинке или мечу, однако туранец после

экзекуции двое суток валялся пластом. Беседка – крохотный, выкрашенный зеленою краской домик – еле проступала на фоне огромного старого куста шиповника. Подходя к ней, оба хранили молчание, и киммериец горячо возблагодарил Митру Наставника за своевременную сдержанность их грешных языков. Ибо, едва нога Дагоберта коснулась первой ступеньки в беседку, из тени раздался негромкий, но такой знакомый чарующий голос:

– О, доблестные стражи. Нет-нет, не смущайтесь. Зайдите.

Госпожа Вивия сидела на укрепленной у стены скамеечке, подложив под себя пухлую вышитую подушечку и закутавшись, по слуху прохладной ночи, в теплую пелерицу из тончайшей верблюжьей шерсти. Густая тень не позволяла разглядеть надетое на ней платье – Конан мельком заметил нечто мерцающее и облегающее, от чего у него мигом перехватило дыхание. Дагоберт кашлянул:

– Драгоценная госпожа Вивия… Но разве вы…

– Да, конечно, я должна бы почивать сейчас в своей постели под розовым балдахином, – нимало не смущаясь, проговорила Вивия своим чудным серебристым голоском. – Но мне не спалось, и я вышла в сад подышать свежим воздухом. Полагаю, это не преступление? Что предписывал вам делать наш храбрый Легионер на такой случай? А, Конан?

Киммериец призвал на помощь все свое красноречие.

– Ну… э-э… Благородная госпожа знает мое имя?

Вивия негромко рассмеялась:

– О да. Разумеется, мне неведомы имена всех наших охранников, но я запомнила странное имя храбреца с Полуночи, зарубившего Мерцающее Облако. Мой муж много рассказывал мне о своей поездке.

– Он был не совсем точен, – когда речь зашла о предметах, хорошо ему знакомых, Конан несколько оживился. – Я схватился с бандитом, это верно, но скорее всего Мерцающее Облако зарубил бы меня. Кто-то из возниц ир'Аледаша подстрелил его из…

– Я предпочитаю думать, – непреклонно прервал его женский голос, – что герой, победивший разбойника, теперь охраняет мое спокойствие. Не нужно меня разочаровывать.

Из-под пелерины показалась узкая девичья кисть, украшенная змейкой браслета, и Конан ощущил на щеке мимолетное прикосновение теплых пальцев. Только что обретенный дар речи вновь его покинул. Дагоберт, не зная, что говорить, взирал на киммерийца с неприкрытою ревностью и с вожделением – на Вивию.

От внимания юной аквилонки эти взгляды явно не укрылись. Вновь послышался ее негромкий смех.

– И я помню, – игриво сказала она, – что муж говорил мне о двух новых жемчужинах в своей коллекции. Одна, как он сказал, – варвар, могучий в битве и разумный в суждениях, другая же – воин, искусный с мечом и с лютней, вдохновенный певец, скрасивший им дорогу и напомнивший о красоте мира.

– Право, это чересчур, – пробормотал гандер, горячо благодаря темноту, не позволяющую увидеть его густой румянец. – Я вовсе не…

– Ты хочешь сказать, что мой муж лжет? – спросила женщина с напускной суровостью.

– Разумеется, нет, я лишь…

– Разумеется, он прав, – снова прервала аквилонка с мягкой непреклонностью, – и разумеется, чтобы загладить свои поспешные слова, ты споешь мне несколько своих песен. Если они понравятся мне… о, ты останешься доволен.

– А… о чём госпожа хотела бы услышать? – не веря своему счастью, робко спросил

Дагоберт. Настал черед Конана злобно поглядеть на приятеля. Разумное недавнее решение держаться подальше от юной аквилонки с ее чарами теперь казалось глупым и смешным.

Вивия задумалась, склонив голову на плечо.

— Вот что, — решительно начала она, — я слышала, ты поешь всем известные песни, но вдобавок иногда сочиняешь сам. Это так?

— Верно, — кивнул Дагоберт.

— Тогда сложи балладу для своей госпожи. Совсем новую, — потребовала аквилонка. В сумраке беседки ее огромные зеленые глаза искрились загадочно и лукаво. — Дом Гельге Ханарана держится на трех столпах. В сущности, на них поконится весь мир, и потому твоя песня должна говорить о вине и о золоте.

— А третий столп — это что? — зачем-то поинтересовался киммериец.

Госпожа Ханаран помолчала. Конан не мог разглядеть ее лица.

— Кровь, — наконец нехотя сказала она. — Только я не желаю слушать о чем-либо подобном... Мне пора, пожалуй. Теперь уходите... Нет, стойте!

Последнее было произнесено шепотом, но так, что Конан, уже приподнявшись со скамьи, обратился в каменную статую. Дагоберт, как сидел, так и замер на месте.

— Что... — начал киммериец вполголоса.

— Молчите! — еле слышно прошипела Вивия. Варвару показалось, что между прутьями беседки мерцает слабый свет.

Троица, не сговариваясь, приникла к щелям.

Негромко переговариваясь, по ступеням, ведущим из дома в сад, спускались какие-то люди.

В первом, массивном и невысоком, варвар безошибочно признал Кофийца. Вторым оказался Фидхельм, настороженно вертевший головой, словно бы обнюхивая ночной воздух. Легионер нес фонарь, прикрытый тряпицей для менее яркого света, и левой рукой непроизвольно оглаживал рукоять меча. Третим шел человек весьма странного облика, хотя вполне знакомый обоим охранникам — когда челясть Гельге высыпала встречать караван, этот человек, дворецкий по имени Тхим Хут, отдавал распоряжения. Про кхитайцев, живущих далеко на Востоке, Конан прежде только слышал и вот впервые в доме купца увидел воочию. Тхим Хут был ростом с тринадцатилетнего ребенка, хрупкий, большеголовый, с черными, как смоль, волосами и непроницаемым выражением узких глаз, блестящих на безбородом смуглом лице. Перед собой дворецкий тащил сверток, сжимая его обеими руками. Сверток выглядел нетяжелым, хотя довольно объемистым. В движениях кхитайца Конану почудилась какая-то непонятная торжественность.

Обогнув дом, Гельге и Фидхельм вошли в одну из пристроек — чуть слышно скрипнули дверные петли — оставив дворецкого снаружи. Тот положил свою загадочную ношу на землю, присел и стал терпеливо ждать, похожий на каменную горгулью вроде тех, какими иногда украшают крыши храмов и богатых домов.

Выжидали и трое в беседке, хотя их любопытство в равной мере мешалось со страхом. Конан понимал, что, если их присутствие обнаружат, дело может обернуться крайне скверно, и догадывался — остальные двое тоже об этом прекрасно знают.

Вскоре из дверей показался Фидхельм. Пятаясь задом и отдуваясь, он волок здоровенный сундук из тикового дерева. Схожий ящик Конан прежде видел в фургоне, когда лазил туда за оружием. С другой стороны груз поддерживал сам Гельге, чье лицо перекосилось от напряжения.

«С какой радости достопочтенный Кофиец развлекается по ночам тасканием тяжестей?!» – пронеслось в голове у Конана. Словно бы услышав его мысли, Гельге пробормотал ругательство, четко слышное в ночной тишине, и выпустил ношу. Фидхельм, зашипев, бросил свой край.

Ящик с глухим стуком ударился о твердую землю.

Волосы у киммерийца, да и у Дагоберта с Вивией, встали дыбом.

Из ящика, похожего на гроб, в каких хоронят своих мертвцевов уроженцы Шема, Офира и прочих стран к полуночному закату от Стиksа, донесся громкий хриплый стон – стон умирающего человека.

* * *

– Много чести этому дохляку – тащить его в сундуке через весь дом! – рявкнул Гельге, не слишком сдерживая голос.

То ли благодаря тому, что ни единого звука более не нарушало тишину ночи, то ли вследствие выгодного расположения беседки и каких-то особенностей места каждое слово из последовавшего засим разговора совершенно ясно долетало до троих невольных наблюдателей.

– Хорошо, хорошо, только не ори так громко, – очень спокойно и совсем не так подобострастно, как днем и при свидетелях, ответил Фидхельм. Кхитаец даже не пошевелился и вообще, казалось, задремал. – Неподалеку могут болтаться мои охранники, совершающие ночной обход. Ты ведь не хочешь, чтобы тот долговязый киммериец вылез из кустов и предложил нам свою помощь, а, почтенный?

На какое-то время купец онемел, уставившись на Легионера с выражением крайнего негодования.

– Совсем рехнулся? – прошипел он наконец. – Не мог назначить на сегодня кого-нибудь из прежних? Или вообще отменить обход?

– Да мне плевать... – начал немедиец. Новый, более громкий стон, раздавшийся из загадочного ящика, прервал его на полуслове.

Тхим Хут негромко кашлянул.

– Да простят мне благородные господа, – еле слышно прошелестел он со своим непередаваемым кхитайским произношением. – Не надо ссориться. Не надо кричать. Мне кажется, сундук все равно бы не прошел, в доме очень узко... кое-где. Я предупреждал. Лучше вынуть... э-э... тело.

– Но он же пешком двух шагов не сделает! – взорвался Гельге. – Он лежит там, не двигаясь, от самой Нумалии!

– Проклятье, Гельге, – Фидхельм, похоже, также начинал терять терпение. – Как мы приводили остальных? Возьмем его под руки. Где своими ногами, где волоком... Завяжем рот тряпицей, чтоб не стонал. Ящик бросим обратно в сарай, и дело с концом.

– Не узнаю вас, господин, – сокрушенno сказал кхитаец. – Вы словно в первый раз. Что случилось?

Все трое посмотрели на массивный ящик, будто надеясь прочитать на его крышке некий

ответ. Гельге достал вышитый платок и нетерпеливым жестом вытер мокрое лицо.

— Ничего не случилось. Этот, — купец ткнул пальцем в сундук, похожий на гроб, — он очень важный... очень сильный посредник. Ловец Душ особо просил о нем, помнишь?

— Еще бы он не помнил, — пробормотал Фидхельм, озираясь.

— Мы ведь никогда раньше не привозили... издалека, — продолжал Гельге. — Ну... Волнуюсь я.

— Время уходит, — деликатно напомнил дворецкий. Отложив в сторону свой сверток — Конан только сейчас сообразил, что формой и размерами эта штука как раз напоминает большую книгу — кхитаец неуловимым движением перетек из сидячего положения в стоячее. — Простите, господин.

Тroe в беседке молча наблюдали, как Тхим Хут и начальник стражи снимают с ящика довольно тяжелую крышку. Что в этот момент думали прекрасная госпожа Ханаран и белобрысый гандер, неизвестно. Конан же напряженно решал: как быть? Что делать прямо сейчас? В сундуке, понятно, человек. Похоже, тайно вывезенный из Немедии. Вот он: Фидхельм и Кофиец совместными усилиями выволакивают из недр тикового ящика худую полуобнаженную фигуру, слабо шевелящуюся и издающую невнятные звуки. Выпрыгивать из кустов с клинком наголо и с воплем: «Отпустить немедленно»? Поднять тревогу? Спускать собак, отправить Дагоберта в казарму стражи за помощью?

Нет, все не то... Кого хватать? Хозяина дома с начальником стражи? А дальше что? Если купец с Легионером и впрямь затеваюят некое черное дело, то Фидхельм попросту зарубит обоих незадачливых спасителей еще до того, как поднимется шум. Что-что, а мечом немедиец владеет преизрядно... А коли дело вовсе не черное? Может, все обстоит совсем иначе? Скажем, вывез Гельге из Немедии бедолагу, какого-нибудь своего неудачливого компаньона по торговле, провел через три границы и тем самым спас от преследования властей и неминуемой гибели? Сейчас отведет в дом, подлечит, накормит... Если так, то Конан, вмешавшись не в свои заботы, выставит себя круглым дураком и потеряет во всех отношениях прибыльное место. Это в лучшем случае, а в худшем, если хозяин сочтет варвара нежелательным свидетелем, где-то в укромном месте опять-таки будет поджидать Фидхельм со своим быстрым мечом...

Да, и Вивия! Что делать с ней?! Как объяснить мужу, чем занималась его возлюбленная супруга посреди ночи в беседке с двумя стражниками?

Проклятье! Все змеи Сета!

Покуда Конан терзался раздумьями, разыгрываемое перед ним таинственное действие успело закончиться.

Незнакомец, прибывший в усадьбу «Рубиновая лоза» столь диковинным образом, скрылся в недрах старого дома, обвиснув между Фидхельмом и Кофийцем и скорее бессильно волоча ноги, нежели самостоятельно их передвигая. Последним вошел Тхим Хут, зажав свою книгу подмышкой и высоко неся фонарь, — оглядел напоследок сад и закрыл тяжелую дверь.

Какое-то время после того, как погас последний лучик света в саду, троица сидела неподвижно и не издавая ни малейшего звука. Первым молчание нарушил Дагоберт, и неудивительно, что с вопросом он обратился к Вивии Ханаран. Кому, как не хозяйке дома, знать обо всем, что происходит в ее владениях?

— Досточтимая госпожа объяснит нам, что тут происходит? — воскликнул гандер, от волнения наплевав на правила куртуазии. — Хорошие дела! Это что же, выходит, ваш муженек

людей похищает?!

Вивия отшатнулась и поднесла руку к губам, словно бы в жесте отчаяния, однако голос ее прозвучал ровно и холодно как раз настолько, чтобы отрезвить зарвавшегося стража.

— Ты что, требуешь у меня отчета, наемник? Я, Вивия Ханаран, должна объясняться перед тобой?! Мой муж — честный и благородный человек, и я не сомневаюсь, что...

Она вскочила, яростно сверкнув глазами, хотя Конану, по-прежнему молча взиравшему на происходящее, показалось, что за напускным гневом молодой аквилонки скрывается нешуточный страх.

— Могу твердо обещать только одно, — продолжала госпожа Ханаран тем же ледяным тоном. — Если мой супруг узнает, что вы что-то видели... если вы разболтаете или посмеете хотя бы заикнуться... Боюсь, нам придется подыскивать двух новых стражников! Молчите, слышите?

Женщина решительно направилась к выходу. Конан негромко произнес ей вслед:

— Двух новых стражников найти легче, чем одну новую жену, госпожа. Как неудачно, что вы тоже... все видели.

Узкие плечи аквилонки дернулись, будто от удара плетью. Еще мгновение, и госпожа Вивия скрылась за поворотом дорожки, ведущей к женской половине.

Дагоберт посмотрел на напарника круглыми от недоумения и гнева глазами.

— Тебе не кажется, что для одной ночи многовато? — наконец справившись с волнением, осведомился гандер. — Сперва эта красотка любезничает с нами так, словно готова назавтра отиться. Потом оказывается, что ее благоверный из самой Немедии неведомо зачем притащил полуторуп. А под конец девица прикидывается разъяренной гарпией и грозит двум отличным парням страшными караами, хотя только слепой не заметит, что она сама чуть жива от ужаса! Что за дерньмо тут творится, хотел бы я знать! Как думаешь, расскажет она Гельге?

— Вряд ли, — задумчиво сказал варвар. — Если, конечно, не полная дура — а вроде не похожа на таковую. Знаешь, есть у меня впечатление, что теперь мы с госпожой Вивией вроде как повязаны одной веревочкой. Не станет она нас сдавать, побоится. Пойдем-ка, посмотрим кое-что.

Впрочем, осмотр сарая, из коего вынесли ящик с секретом, так же как и самого ящика, ровным счетом ничего не прояснил — разве только при скучном свете масляной лампы Дагоберт отыскал искусно замаскированный ряд дырочек для дыхания на нижней части сундука, а потом, брезгливо отстранясь, вытянул со дна гроба какую-то невообразимо вонючую рванину. Тряпье при более внимательном рассмотрении оказалось нижней рубахой из тончайшего батиста. Конан пошарил еще и нашел остатки камзола.

— Будь я проклят, — изумленно пробормотал Дагоберт, помяв в пальцах лоскутья. — Зингарский муар, сорок империалов за штуку! Уж я-то знаю, мой дядя держал в Галпарате лавку. А шитье, ты только глянь! Кого он привез, а? Королевского постельничего? Что ты обо всем этом думаешь, Конан?

— Думаю, пока нам обоим следует помалкивать и держать ухо востро. Вивио обходи за десяток шагов, ясно? — Дагоберт истово кивал в ответ на каждое слово, и подобное внимание со стороны более старшего гандера Конану нескованно льстило. Он вдруг ощутил себя умным, сильным и хитрым, а охотничий азарт близкого опасного приключения заставлял кровь быстрее струиться в жилах. — Да и Гельге старайся без лишней нужды на глаза не соваться. Мы еще выведем этот змеиный садок на чистую воду...

Приятели вышли на свежий воздух и оглянулись, лишь отойдя от сарая на изрядное

расстояние. Вокруг, как и прежде, простирался знакомый мирный пейзаж, верещали сверчки, все дышало сонным спокойствием. Однако на сей раз, словно некая пелена спала с глаз киммерийца, он по-новому увидел воздвигшуюся над садом громаду роскошного особняка из розового туфа.

Дом, в зыбком свете молодой луны кажущийся черным, представился ему вместилищем пороков и зловещих тайн, источающим непонятную угрозу.

* * *

...Благоразумия Дагоберта хватило ровно на три дня, до первой встречи с красавицей-аквилонкой, вышедшей погулять по саду в сопровождении двух молоденьких служанок. С этого дня он сделался задумчив, неизменно отклонял заманчивые предложения выпить вместе или скоротать приятный вечерок за игрой в кости и старался уединиться где-нибудь под благовидным предлогом. Уединяясь, он обычно прихватывал с собой свою потрепанную лютню, и тогда, случалось, в неподвижном воздухе слышался откуда-то негромкий и неуверенный струнный перебор.

Стражники помоложе понимающе усмехались, те, что постарше, неодобрительно качали головами. Конан, как мог, пытался вразумить приятеля, но добился в конце концов только ссоры, едва не закончившейся дракой. Влюбленный Дагоберт упрямо не желал прислушиваться к голосу здравого смысла. Оставалась призрачная надежда, что с упрямцем побеседует Легионер и вобьет пинками то, что не доходит словами, однако Фидхельм вскоре спешно собрался и покинул поместье, взяв с собой троих наиболее доверенных тургаудов. Вместо него на воеводстве остался ир'Габали, пожилой вислоусый туранец, служивший некогда в дворцовой гвардии государя Илдиза Туранского. А с голубятни при доме, где держали почтовых птиц, выпорхнули полдюжины быстрокрылых гонцов, унося привязанные к лапкам депеши.

Гельге на глаза не показывался, будто сгинув в недрах огромного дома – лишь кухонные девчонки исправно носили еду в господские покои. Вивия при случайных встречах делала вид, будто ничего не произошло, и упорно не замечала ни Конана, ни измученного безответным чувством гандера. Тхим Хут, напротив, был вездесущ, его голос звучал, казалось, во всех уголках обширного поместья, и там, где появлялся хрупкий кхитаец, люди начинали работать с удвоенным рвением.

Один только Кетлик ничего не имел ни за, ни против пылкой страсти Дагоберта. Молодой шемит исчез из имения начисто, исчезли также его вещи, оружие и тщательно скопленное жалованье. Это случилось через день после таинственной сцены в саду. Конан попробовал осторожно выяснить, куда мог подеваться тургауд, но точного ответа так и не получил. Даже караульщики у ворот недоуменно пожимали плечами: нет, не выезжал... конь по-прежнему в стойле... сбежать, конечно, мог, хотя это и непросто, но – зачем? Да и далеко ли уйдет незамеченным пеший беглец по землям, где каждый крестьянин знает всех своих соседей и где в каждом дворе злющие сторожевые псы? Фидхельм, получив известие о загадочной пропаже, скривился, но махнул рукой. Удрал, мол, и удрал, Сет ему в попутчики. Человек – не иголка, попадется где-нибудь. А и не попадется, плевать.

Все это казалось киммерийцу донельзя подозрительным. Воспользовавшись временным послаблением, покуда тургаудами командовал ир'Габали, он стал искать способа тайно проникнуть в дом, разумно предполагая, что разгадка обязана таиться где-то в глубине огромного строения. Его попытки увенчались успехом, причем довольно неожиданным: одной из горничных, разбитной рыжеволосой Ардис из Ванахейма, приглянулся молодой воин, цвет глаз коего напоминал о голубых льдах далекого Эйглофиата. Несколько жарких ночей были наполнены страстными объятиями и взаимными клятвами в вечной верности – в каковые, впрочем, ни тот, ни другая всерьез не верили – а в промежутках между поцелуями Конан получил ключ от задней двери в господский дом и выслушал уйму рассказов, показавшихся ему, в свете определенных событий, весьма интересными.

– Дом этот, – рассказывала Ардис, – построен еще прадедом господина Гельге лет сто назад, а может, и больше. Семейство Ханаран живет в этих краях очень давно. Другое дело, что Ханаран не всегда были такими богатыми. Раньше им принадлежал только небольшой участок земли под виноградниками, не очень хорошей, – только то, что вокруг нынешнего поместья, самое большое, на поллиги. Дед господина Гельге дальше Хоршемиша, где у них какая-то родня, никогда не выезжал. Отец держал там скромную виноторговлю и постоянный двор. Это уже Гельге Кофиец отстроил сад и скупил всю округу, с самой Тарантией торгует, да ниспошлют ему боги долгой жизни и отменного здоровья.

– И как же ему удалось? – хмыкнул киммериец. – Умер дядя в Хоршемише и оставил полный сфинкс в наследство?

– Этого я не знаю, врать не стану, – Ардис, прижимавшаяся к боку варвара своим горячим телом, внезапно посерезнела. – Я ведь служу в доме не очень долго. Вот старая Эйхнун здесь почти всю жизнь, она еще прежнего господина застала. Так она рассказывала, что, когда Кофийцу исполнилось два десятка зим, он одолжил у отца немного денег и уехал с караваном, уходящим на Восход. Когда он вернулся спустя два года, у него был уже свой собственный караван. Он приглашал отца с собой, убеждал, что сидя в захудалой винной лавке, состояния не нажить, но тот отказался, и господин Гельге опять уехал. Так он уезжал несколько раз, всегда надолго, и возвращался всякий раз все богаче и богаче. В последний раз у них с отцом даже вышла ссора, потому что старый господин говорил, что такие деньги не к добру и что честным трудом столько не заработаешь. Эйхнун говорила, они очень друг на друга кричали, а потом молодой Ханаран выбежал весь красный, в страшной ярости, и тем же вечером уехал, а спустя две луны старый господин умер, и дом отошел к Гельге. Это лет пятнадцать тому случилось... Ой, только я тебе этого не говорила, ясно?

– Ясно, – великодушно пообещал Конан, подавляя понятное желание обнять девицу покрепче. – А когда дом отстроили заново, не знаешь?

– А его два раза перестраивали, – сообщила ванирка, устраиваясь поудобнее и подперев щеку ладонью. – Один раз совсем недавно, при мне, но – так, по мелочи: крышу перекрыли, сделали новое крыльце, по-другому разбили сад... А в первый раз – это когда господин Гельге привез свою первую жену. Мне девчонки рассказывали...

– Постой-постой, – перебил киммериец. – Так Вивия у него не первая жена?

– Да что ты, конечно, нет! Ой, это же такая история! Рассказать?

Конан молча кивнул, и Ардис начала свой рассказ, время от времени прерываясь, чтобы обменяться поцелуем с киммерийцем или игриво куснуть его за мочку уха.

– Меня тогда в поместье не было, и я тебе расскажу то, что сама знаю со слов старожилов. После смерти отца Гельге вернулся в «Рубиновую лозу» и осел здесь надолго.

Уже тогда золота у него было – пропасть, большей частью лежало оно в казначействах Офира и Кофа, сколько-то Кофиец возил с собой для торговли. Пока старый господин был жив, Гельге оставлял часть своих доходов ему. Он надеялся, что отец употребит эти деньги с пользой, но потом выяснилось, что старший Ханаран даже не притронулся к полученному золоту, оно так и лежало в сундуках. Первым делом Кофиец взялся скупать окрестные виноградники. Не все землевладельцы соглашались продать свои наделы, но в конце концов Гельге всех переупрямил. Там, где не получалось добром, в ход шла хитрость, лесть, угрозы, а то и сила – как раз тогда в «Рубиновой лозе» впервые появились тургауды, наемная гвардия. Не прошло и года, как молодой Ханаран стал полновластным хозяином всех земель вокруг поместья, где только может плодоносить лоза. А добившись своего, в один прекрасный день Кофиец вновь собрал караван и отправился на Восход.

Странный это был караван, скажу я тебе. Старая Эйхнун вспоминала, что пузатых винных бочек на продажу не было вовсе, а было лишь несколько маленьких бочонков самого лучшего вина. Зато охапками носили драгоценные ткани, в одной из повозок двойное дно набили изделиями лучших ювелиров Заката в плоских ящичках, а вокруг гарцевали на горячих конях все воины, сколько было их в поместье. Кое-кто говорил, что молодому господину опротивел отцовский дом, и он собирается поселиться в блистательном Аграпуре; другие шептали, что после смерти отца Гельге хочет распродать все и зажить в свое удовольствие, как богатый бездельник. Итак, он уехал, и прошло целых два года, прежде чем...

Ардис и сама увлеклась повествованием. Ее голос обрел силу и мечтательную напевность, и варвар, прикрыв глаза, на зыбкой грани между явью и сном в какой-то миг ощутил удивительную раздвоенность. Он оставался воином с Полуночи, бездумно ласкающим женщину на любовном ложе; и он же, прищурив глаза от красного закатного солнца, смотрел из-под руки на уходящую вдаль пыльную ленту дороги. Он был Конаном из клана Канах – и молодым стражником у ворот поместья в те времена, которые теперь помнит разве что старая Эйхнун. Словно наяву, увидел он вдалеке сквозь черные прутья ворот – не нынешних, ажурных и легких, а тяжелых и грубых, вышедших из-под молота деревенского кузнеца – медленно ползущую черную точку. И понял, что хозяин наконец вернулся, и это понимание наполнило его странным, смешанным чувством облегчения, радости и смутного страха.

Черная точка приближалась, окутанная пыльным облаком. Сигнал уже дан, усадьба наполнилась людьми, движением, голосами... а он все всматривался до рези в глазах, пытаясь понять: где же три подводы с драгоценностями? Где два десятка до зубов вооруженных всадников? Где породистые кони, где верблюды, нагруженные припасами для долгого и трудного пути, где, наконец, сам молодой господин, веселый и молодцеватый Гельге Кофиец, Нашедший Корни Радуги?

Фургон близко... один фургон, накрытый пыльным синим тентом. Всего один. Заморенными лошадьми правит кто-то в истрапанной черно-зеленой тунике тургауда. И всадник на вороном жеребце, торопящийся первым успеть к открывающимся воротам... вот он спешивается, проходит под аркой, ведя в поводу взмыленного коня, оборачивается навстречу подъезжающему фургону... Могучие боги, неужели дородный Кофиец когда-то был таким?! Трудно представить: всадник статен и широкоплеч, в его фигуре нет ни малейшего намека на обширное чрево в будущем, черная борода подрезана коротко и аккуратно, кривой туранский ятаган у бедра – скорее воин, чем купец... Но это он, все сомнения отпадают,

достаточно увидеть его лицо – оно почти не изменилось с течением лет.

Умное, жесткое, волевое лицо сильного человека.

И все же это лицо не понравилось Конану – ни той части его разума, что загадочным образом заглянула в далекое прошлое, ни настоящему киммерийцу, рассеянно внимающему повести рыжеволосой Ардис. Варвару уже не раз доводилось видеть и этот мрачный упорный огонек в глазах, и слишком крепко сжатые челюсти, и нахмуренные брови. Так выглядит игрок, поставивший на кон все свое состояние, фанатик Эрлика Кровавого, идущий на смерть во славу своего божества, или алхимик, посвятивший жизнь поискам вечной молодости. Так выглядит возвавший к Силам, которые лучше не тревожить. Какая-то темная, тайная страсть бушевала под мужественным обличьем молодого Гельге. С годами этот отпечаток сотрется, сделавшись менее явным, – но вот отпустит ли Кофийца его странная одержимость?

Между тем фургон останавливается, и возница, чья внешность Конану также знакома, спрыгивает с козел... отдергивает запыленный полог...

– ...Тогда-то и стало понятно, отчего караван в восходные страны был таким странным – ведь собирали его не для торговли. Кофиец ехал за невестой, и он вез с собой дорогой выкуп, ибо невеста была высокого рода. Что там у них произошло – никто не знает, кроме тех троих, что вернулись, а они не рассказывают никому. Два десятка отборных воинов и все драгоценности Кофийца остались в далекой стране на Восходе, но главное сокровище все же досталось Гельге – недаром говорят, что Кофиец всегда добивается своего. Ее звали Льен Во. Она была кхитаянка, дочь верховного жреца, и она была красавица – так говорят. А спустя одну или две луны... Эй! Ты что, спиши? Да еще и бормочешь что-то во сне... – вздрогнув, Конан очнулся от своей странной полудремы – его нетерпеливо теребила Ардис. – Ну понятно, какая из меня рассказчица! А я-то стараюсь...

– Ты очень хорошая рассказчица, – совершенно искренне уверил киммериец. – Я словно наяву все увидал. Так значит, из той поездки вернулись только Гельге и Фидхельм? И именно тогда в поместье появился кхитаец...

Ванирка скорчила капризную гримаску, но Конан привлек недовольно надувшуюся девицу к себе и крепко поцеловал в полные губы. Ардис ответила на поцелуй с не меньшим пылом, и прервались они нескоро. Когда же объятия наконец разомкнулись и сердца забились ровнее, Ардис с блаженным вздохом вновь откинулась на подушки, смеясь:

– С каждым разом у тебя получается все лучше и лучше, Конан! Это что, мои сказки так на тебя действуют?

– А вот расскажи еще, и проверим! – хмыкнул варвар. – Так что же было дальше?

Но этой ночью рассказов более не было. Словно почуяв что-то, Ардис упорно обходила стороной скользкую тему, отщучивалась, а потом прямо заявила, что расспросы приятеля ей надоели. Сколь бы ни был настойчив Конан, почувствовал и он, что большего от взбалмошной подружки не добиться. Впрочем, пока довольно и этого.

Незаметной тенью он выскользнул из задней двери уже крепко под утро. Ардис оказалась неутомима в любви, это было и прекрасно и утомительно разом – еще не добравшись до своего лежака в доме стражи и предвкушая желанный, хоть и недолгий отдых, Конан уже начал мечтать о следующей встрече. Что же до загадок и тайн, то, с одной стороны, их прибавилось, с другой – варвар чувствовал, что находится на верном пути. Не этой ночью, так следующей или седмицу спустя он услышит окончание истории. Возможно, тогда какие-нибудь части головоломки встанут на место. Еще он положил себе непременным

поговорить с Эйхнун, той самой старой служанкой, что помнила еще отца Гельге Кофийца. Уж она-то точно должна знать обо всем, что творится под сводами богатого купеческого дома.

Этой ночью дозор несли Хатлави и Мугдаш. Неуклюжая скрытность Конана, спешившего до рассвета вернуться в казарму с ложа любовницы, конечно же, не ускользнула от их бдительного ока, а киммериец, в свою очередь, заметил их. Впрочем, ни дозорных, ни Конана эта встреча ничуть не встревожила, скорее напротив – повеселила. Любовные подвиги среди тургаудов почитались делом достойным, излишнее воздержание проходило по ведомству самых гнусных извращений, а учитывая, что в усадьбе работала прорва смазливых девиц, грешки подобного рода водились за каждым из воинов.

Вернувшись в дом стражи и прокравшись между храпящих на лежаках собратьев по оружию, Конан с легким сердцем нырнул под свое одеяло из верблюжьей шерсти и вскоре уже крепко спал. Он не обратил внимания, что на дощатых нарах пустует еще одно место – а если бы обратил, то встревожился бы не на шутку. Постель Дагоберта оставалась нетронутой, и можно было прозакладывать сотню империалов против медного шемского сикля, что влюбленный гандер коротает ночь отнюдь не в объятиях служанки.

* * *

– …Я сложил балладу, госпожа, как вы и просили – она совсем новая, и в ней говорится о любви и вине. Мне кажется, она хороша… не соблаговолите ли выслушать… хотя я не знаю, можно ли сейчас…

Дагоберт мучительно краснел и запинался, тиская лютню так, что дерево в его сильных руках вот-вот грозило треснуть. И немудрено – тяжело сохранять спокойствие духа и особенно плоти, когда сидишь на шелковых подушках, а на расстоянии вытянутой руки от тебя возлежит самая желанная женщина на свете. Вивия Ханаран, наблюдая за мучениями новоявленного скальда, понимающе улыбалась. В этой улыбке таилась и насмешка, и обещание, и призыв. Сама юная аквилонка, делая вид, что выбирает на позолоченном блюде самую спелую виноградную гроздь, как нарочно, принимала такие позы, от которых у Дагоберта перехватывало дыхание.

– Можешь спеть, если сдержишь свой голос, – разрешила Вивия. Они находились на женской половине господского дома, в личных покоях госпожи Ханаран, а пути, коими гандер проник в опочивальню аквилонки, ведомы были лишь им двоим да особо доверенной служанке, вовремя приоткрывшей некое окно и оставившей в укромном месте некий ключ. – Стены дома очень толстые, да еще эти огирские ковры на них приглушают звуки, но все же постарайся петь негромко. Да сядь ближе ко мне, воин, чтобы я расслышала все как следует и вознаградила певца по достоинству, если баллада и впрямь окажется хороша. Но берегись, если она мне не понравится!

Аквилонка говорила вроде бы играво, но взгляд ее изумрудных глаз оставался холодным, оценивающим и пристальным. Окажись на месте влюбленного гандера кто-нибудь более здравомыслящий, непременно понял бы, что госпожа Ханаран затеяла некую игру, в которой простаку с лютней отведена незавидная роль жертвы. Но ослепленный страстью Дагоберт не

замечал подвоха – он вообще не замечал ничего, кроме роскошного тела Вивии, столь близкого и пока что недоступного, ее чарующего голоса и серебристого смеха.

Дагоберт послушно придвинулся ближе, и видавшая виды лютня отзвалась на прикосновение его пальцев чистым струнным перебором.

Нет у вина адресата...
Кому оно посвящено —
Знает лишь мастер, создавший вино,
И та, что пригубит вино...
Черные терпкие капли
С губ незаметно сотрет —
Не говори ничего, винодел,
Она и без слов все поймет...

Глядя в рубиновый сумрак,
Тонко смакуя питье —
Что нам за дело, как звали его
И как называли ее!
Но, коль неведомой тайны
В пурпур не заключено,
Не претворится вино никогда,
И в кровь не вольется вино
Никогда...

Встань, и протяни бокал, и
Стань адептом на пороге
Тайн, и в матовом бокале
Отразятся боги; и бесстрастье —
Слово не для вин, а
Страсть – не слово для веселья.
Мастер винограда солнце растворит во тьме:
Так родится Вино...^[2]

Песня в самом деле удалась на славу – никогда прежде Дагоберту не удавалось сложить ничего подобного. Впрочем, женщин, подобных Вивии Ханаран, на его пути доселе тоже не встречалось.

Золотоволосой аквилонке явно понравилось услышанное. Она забыла о своем винограде, в глубине зеленых зрачков мелькнуло странное выражение: грусть, смешанная с растерянностью. Вивия боролась с уже принятым ею решением – но первоначальный замысел одержал верх.

– Я ошиблась, – произнесла госпожа Ханаран, садясь на постели. – И впредь буду осмотрительнее, иначе мое сердце окажется безвозвратно разбитым. Откуда же мне было знать, что простой наемник способен превзойти придворных менестрелей? Ты заслужил свою награду, Дагоберт... правда, ты не сказал ничего о золоте, но все равно...

Гандер, опешиивший от столь высокой оценки его талантов, не успел ничего ответить. Женщина подалась вперед, узкие кисти скользнули по плечам Дагоберта, лицо Вивии с приоткрытыми, манящими губами вдруг оказалось так близко от его лица... Многострадальная лютня упала, глухо тренькнув – от повреждений инструмент спас только толстый ковер – ибо обе руки ее владельца вдруг оказались заняты куда более привлекательным на ощупь предметом, нежели бесстрастное дерево.

Поцелуй длился... и длился... и длился. Пальцы Дагоберта запутались в многочисленных складках просторного одеяния Вивии, но все же он сумел прикоснуться к дразнящим воображение изгибам и округлостям ее тела. От густых шелковистых волос женщины пахло дурманящим, кружащим голову ароматом каких-то цветов. Ее губы были нежными и требовательными, а ладони – такими ласковыми... Но стоило гандеру перейти к более решительным действиям, как он ощутил сопротивление. Тонкие руки, только что лежавшие на его плечах, уперлись ему в грудь. С изумлением и обидой певец понял, что его отталкивают – мягко, но непреклонно.

Госпожа Ханаран высвободилась, переводя дыхание, ставшее быстрым и прерывистым, но не пытаясь устраниТЬ беспорядок в одежде. Дагоберт таращился на нее снизу вверх, искренне недоумевая – все вроде шло так замечательно, он уже почти добился благосклонности Вивии, так в чем же дело?

– Нет-нет, воин, – аквилонка упрямо замотала головой, уложенные в узел светлые волосы рассыпались. – Я обещала вознаградить тебя за песню, и только. Не стану отрицать, ты мне нравишься... Очень нравишься, даже слишком. Но я аквилонская дворянка и замужняя женщина. Узы брака и чести не так-то легко отбросить, понимаешь? Одной песни недостаточно, чтобы...

Внезапно Дагоберт понял, что ощущает человек, под которым рушится мост и разверзается пропасть глубиной эдак в четверть лиги. Ну конечно, а чего он еще ожидал? Что благородная супруга Гельге Кофийца с готовностью уляжется под какого-то наемника? Вивия поиграла с ним, как кошка с мышью, соизволила одарить парочкой страстных поцелуев, разрешила дотронуться до себя – и указала на дверь. Появилась на миг и сгинула пакостная мыслишка о том, что добиться желаемого можно и силой. Госпожа сама упомянула, что стены в доме толстые, на дворе глубоко заполночь, ее крики вряд ли кто услышит... Да, но что будет потом? И вообще, у него не хватит сил поднять руку на прекрасную женщину, которую он обожает... Наверное, Конан был трижды прав, твердя, что стоит держаться подальше от Вивии Ханаран.

И тут гандер ощутил иное чувство – снедавшие его только что обида и удивление пропали, уступив место яростной решимости, той самой, которая с речного обрыва толкает в глубокий омут.

– Я понял, госпожа, – поднявшись с мягких подушек, он поклонился коротко и подхватил заодно позабытую на полу лютню. – Я был глуп, полагая, что сердце красавицы можно завоевать одной лишь хорошей песней. Герои древних саг во имя любви шли на смерть и возвращались с края света – неужели же они любили сильнее, чем люблю я? Чем желаннее сокровище, тем выше цена... что я должен сделать?

Белые зубки Вивии прикусили пухлую нижнюю губку. Аквилонка размышляла, накручивая золотые локоны на палец и не торопясь прогонять своего воздыхателя, а Дагоберт чувствовал лишь, как изумрудный огонь прекрасных глаз лишает его остатков разума, наполняя взамен безрассудной храбростью. Наконец прозвучал серебристый голос:

– Ты сказал красиво... Твое чувство столь сильно?

Дагоберт молча и яростно закивал в ответ.

– Я не в силах отказать тебе во взаимности, это было бы слишком жестоко, – протянула госпожа Ханаран. – Но любовь для меня – слишком громкое и веское слово, чтобы бросаться им, как разменной монетой. К тому же есть препятствие, и серьезное. Мой муж...

Повисла долгая пауза. Аквилонка словно размышляла, стоит ли продолжать. Дагоберт не перебивал, уже начиная догадываться, что услышит дальше.

– Он богат и знатен, – наконец вновь заговорила Вивия, – он спас мой род от нищенского прозябания... но он чудовище. Окрестные виноградари ненавидят и боятся его, как злого духа, но вынуждены исправно гнуть спину, пополняя его мошну. Я не люблю его, но вынуждена притворяться верной женой и страстью любовницей, когда ему придет фантазия навестить мою опочивальню. Что же до его чувства ко мне... нет, это не любовь, но гораздо хуже: я такая же его собственность, как этот дом или золото в сундуках, красивая игрушка, которой можно кичиться перед компаниями... и еще патент на графский титул. Ах да, ты не знал... Мой отец – граф Рамил диа Лаурин, аквилонский дворянин. К сожалению, далеко не все дворяне богаты...

– Я понял, – враз севшим голосом сказал Дагоберт. – Но если Гельге такое чудовище...

– ...то почему никто не добрался до него раньше? Буду с тобой честна: пытались, и не раз. Но все, кто пытался, мертвы, – от этих слов на гандера повеяло могильным холодом, он вздрогнул. – О нет, я тут ни при чем! Много раз на его жизнь покушались те, чьи семьи он разорил, чьи наделы отобрал обманом или силой, чьих детей сделал батраками. Но всякий раз по невероятному стечению обстоятельств Гельге удавалось спастись, а тургауды вершили расправу над мстителем. Думаешь, зачем этой усадьбе крепостные стены, для чего клетки со злющими псами и бдительная стража в саду? Впрочем, дело даже и не в охране. Говорят, мой муж нашел Корни Радуги. Похоже, это и впрямь так. Во всяком случае, есть некая Сила, которой он овладел и которая хранит его, направляет, предупреждает и придает ему просто невероятную удачу. Пытаться прикончить Гельге, пока он под защитой этой Силы, бесполезно, но вот если нанести удар по самим Корням Радуги... тогда, может быть...

– О чём ты? – хрипло спросил гандер. – Как нанести удар? Куда?

– Слушай: в самом сердце этого дома, – прошептала Вивия, подаввшись к нему, – есть железная дверь с хитроумным замком. Ключ от нее хранится у Гельге. Никто не знает, что находится внутри. Но у меня было довольно времени, чтобы обойти весь дом и убедиться, пока муж был в отъезде, что за дверью еще довольно большое пространство – потайной зал, внутренний дворик или, возможно, зимний сад. Может быть, сокровищница. Или Гельге хранит там разные удивительные вещи, привезенные из дальних стран – я не знаю, но уверена, что Корни Радуги спрятаны там. Я лишь слабая женщина, мне не добраться до них, а муж запретил даже думать об этом... Но в доме сотня служанок, у каждой из них есть зоркие глаза, чуткие уши и душа, жадная до легкой наживы. Они знают многое, что творится в доме моего мужа, а мне известно все, что известно им.

Проберись туда, Дагоберт. Как ты это сделаешь – твоя забота, но уж постарайся не попасться Фидхельму и кхитайцу. Особенно кхитайцу. Если там и впрямь нечто... особенное... уничтожь это. Лиши Гельге его удачи. И тогда... – она на миг прикрыла мерцающие глаза длинными ресницами, – тогда я подарю тебе то, о чём ты грезишь ночами. Не единственное краткое объятие, но любое твое желание, обещаю.

– То же самое ты обещала Кетлику? – эти слова вырвались у Дагоберта сами собой,

против воли, и гандера на миг обуял дикий испуг – что, если только что он окончательно и бесповоротно разрушил намечающуюся меж ними связь, оскорбил предмет своей страсти? Тогда хоть в петлю... Однако прекрасная аквилонка лишь удивленно вскинула бровь:

– Кому? Кто это? Тот смазливый шемит, что бежал на днях? При чем здесь он?

– Прости! – облегчение, обрушившееся на гандера, было столь велико, что он единственным усилием воли удержался, чтобы не пасть на колени перед возлюбленной. – Мой проклятый язык... Парни болтают всякое...

– Я не обижена. Ничуть.

Она замолчала, откинувшись на ложе и испытующе глядя на гандера. Молчал и Дагоберт. Однако в конце концов именно он нарушил молчание:

– Пробраться в сокровищницу Кофийца... в его святая святых... Если меня поймают...

– Хочешь сказать, награда не стоит риска? Тогда уходи. И не попадайся мне больше на глаза.

– Нет! – воскликнул гандер едва не в голос – так что Вивия испуганно встрепенулась и приложила палец к губам. – Нет... хорошо, я сделаю это. Клянусь, что сделаю.

Еле слышное поскребывание в дверь разрушило повисшую в комнате тишину. Украшенная мозаикой створка чуть приотворилась, внутрь сунулась нагло замотанная цветастым платком голова, прошипевшая с характерным кофским пришептыванием:

– Госпожа, пора. Он должен уйти, иначе будет поздно. Слуги скоро проснутся.

– Знаю, – отмахнулась Вивия. – Выведи его из дома, чтобы никто не заметил... Ступай, мой герой – и поскорее возвращайся с победой, – она стремительно взвилась с развороченной кровати, повиснув на шее у гандера и на миг крепко прижавшись к нему гибким, вздрагивающим от нетерпения телом.

В коридор Дагоберт вышел, слегка пошатываясь. Всю дорогу до казарм стражи поместья его не оставлял сладкий привкус прощального поцелуя Вивии Ханаран – явственного обещания того, что ждет его в ближайшем будущем.

Аквилонка проводила его задумчивым взглядом. На какое-то мгновение ей стало почти жаль незадачливого гандера, слагавшего такие хорошие баллады – помоги Иштар тому, кто задумает пробраться в зимний сад Гельге Кофийца, в особенности тому, кто в этом преуспеет... Но потом она вспомнила веселого красавца Кетлика, и сердце ее вновь ожесточилось.

* * *

– ... Зачем тебе знать это, мальчик с Полуночи? – старая, седая женщина, чьи руки навсегда изуродовала тяжелая черная работа, подозрительно взглянула на Конана. Возрастом она была старше всех слуг, встреченных Конаном в доме купца, жила при кухне, выполняя какую-то пустяшную приборку и присматривая за готовкой. Когда-то, наверное, она была красива и сильна, но теперь даже передвигалась с трудом – и, хотя служанки ловили каждое слово Эйхнун, Конан понимал, что купец содержит старуху только из милости, за какие-то прошлые ее заслуги.

– Мне очень нужно, почтенная Эйхнун, – по здравом размышлении киммериец не стал

искать окольных путей в разговоре. Он понимал, что никакой выдуманный повод, никакая отговорка не обманут проницательную женщину, повидавшую довольно на своем веку, чтобы безошибочно отличить правду от лжи. – Возможно, я гоняюсь за призраками, но мне кажется, в этом доме что-то нечисто... я хочу знать, кому служит мой меч. Хочу докопаться до правды. Почему жители этих мест боятся Гельге? В чем он черпает свое странное знание всего обо всех? Что стало с его первой женой, Льен Во?

– Мудрые говорят: от многих знаний многие печали, – покачала головой почтенная Эйхнун. – Чужие тайны бывают опасны, а ты, судя по твоим вопросам, уже успел к ним прикоснуться. Берегись, пока твои поиски не завели тебя чересчур далеко! Почему бы тебе не взять пример с товарищей по оружию? Просто служить верно и прожить в достатке, не задавая лишних вопросов? Может быть, ты и сумеешь найти корни радуги... но что ты будешь делать потом?

– Сперва я должен знать, – упрямко повторил Конан. – Если рядом есть какая-то опасность, то мне всегда спокойнее, если я о ней знаю. А если я увижу, что у корней радуги зарыто зло, то никакая сила в мире и никакое золото не заставит меня ему служить.

– Хорошие слова, – хмыкнула старуха, – и идут от сердца... но не от ума. Что есть зло, юноша? Наемник, убивающий за деньги, купец, продающий голодному хлеб втридорога, вор, срезающий чужие кошельки – творят они зло или нет? Только не говори мне, что сам вел праведную жизнь!

– А я и не собирался, – пожал плечами варвар. – Не мне спорить с тобой, почтенная, о сущности добра и зла. Что ж, не хочешь – не говори ничего. Тогда, наверное, мне следует извиниться, что побеспокоил тебя своими расспросами, и спросить прямо у господина Гельге или у его кхитайца: что стало с вельможей, которого они тайно привезли в «Рубиновую лозу»?

Эйхнун, помешивавшая в кotle аппетитно пахнущее варево, от этих слов киммерийца вздрогнула и выпрямилась.

– В усадьбе сейчас нет чужаков, – пробормотала она. – Я бы знала – ведь мои девочки готовят еду для господского стола и прибирают в покоях, лишний рот не скроешь, если только они опять не... С чего ты взял, что господин привез кого-то тайно?

– Видел, – Конан кратко пересказал таинственные события, случайным свидетелем коих он стал, умолчав, правда, о роли Вивии Ханаран. Странная Эйхнун лишь горестно качала головой, слушая его рассказ.

– Вот оно что... – сказала она, когда варвар закончил. – Значит, снова... Нет, мальчик, ты не ищешь неприятностей – ты уже их нашел, сам того не ведая. Лишь благоволением богов я объясняю то, что ты еще жив и беседуешь со мной. Хочешь хороший совет, Конан из Киммерии? Забирай свои пожитки, выведи из стойла своего коня и исчезни из «Рубиновой лозы» – прямо сейчас, пока нет Фидхельма, а господин отлеживается после... неважно. И твой друг пусть сделает то же самое. Когда Гельге Ханаран узнает, что вы *видели* – а он узнает, можешь не сомневаться – я не дам за ваши жизни и медного сикля.

– Так я был прав, и в этом доме действительно творятся черные дела! – воскликнул киммериец. – Но если, по твоим словам, я теперь все равно что обречен – на смерть или на бегство – то почему бы тебе не поведать мне истинную причину? Ведь она известна тебе...

Эйхнун прервала его резким жестом.

– Давно прошло то время, когда чужие тайны жгли мне язык, – сказала она, прожигая юношу странным взглядом – неприязненным и сочувственным одновременно. – Я была

кормилицей Гельге. Играла с ним, когда он был ребенком, знала его восторженным юношей – он вырос на моих руках, я заменила ему мать, потому что его собственная не пережила рождения наследника. Да, теперь он сильно изменился, и не в лучшую сторону, но все равно я не могу причинить ему зла, делом или неосторожным словом. Ничего я тебе не скажу. И так уж наговорила довольно. Послушайся моего совета, мальчик, беги отсюда. Забудь тайны семейства Ханаран, они не про тебя…

…Вечером того же дня в «Рубиновую лозу» вернулся из своей семидневной отлучки Фидхельм Легионер с тургаудами. Кони выглядели заморенными и тяжело поводили боками, пока конюхи вываживали их шагом после долгой скачки. Фидхельм, с дороги еще более злой, чем обычно, для порядка наорал на ир'Габали и скрылся в дом – докладываться хозяину, а тургауды устроили в доме стражи шумное застолье по случаю возвращения. Как решил Конан из их рассказов, поездка представляла собой сущий карательный набег. Некоторые злостные должники заплатили по счетам, пара нерадивых управляющих лишились должности, а некий шемский компаньон Кофийца, вздумавший утаить от партнера изрядную часть прибыли, расстался не только с золотом, но и с головой.

Была, по их словам, и другая часть работы, менее понятная – той занимался Фидхельм. К примеру, знатный иуважаемый купец от одного упоминания какого-то имени начинал трястись от ужаса и покорно выносил шкатулку с драгоценностями. А однажды убитые горем родственники сообщили Фидхельму, что глава семьи, получив голубиной почтой некую депешу, принял яд – но угадайте, на чье имя был отписан дом с имуществом… Легионер унес в дом пухлый мешок, набитый векселями, долговыми расписками и прочими ценными бумагами на кругленькую сумму, а ездившие с ним Соджир, Нукус и Ар-Рахмани довольно потирали ладони, подсчитывая личный барыш.

Насколько понял варвар, то был обычный шантаж, однако вызывала изумление невероятная осведомленность Гельге. Похоже, купчине откуда-то становились известны даже те грязные тайны, что никогда не выходят за пределы семьи, и Гельге безо всякого стеснения использовал свое знание в целях быстрой наживы. Конан подумал: не эта ли осведомленность и составляет главную силу купца? Но, в таком случае, что или кто дает ему такую силу?

Когда воинов сморил сон, и на «Рубиновую лозу» опустилась ночная темнота, Конан заснуть не мог – долго ворочался на своем лежаке, терзаемый раздумьями. Если все настолько серьезно, как сказала Эйхнун – а в весомости слов старухи сомневаться не приходилось – то лучшим выходом и в самом деле будет немедленное бегство из поместья. Может, воспользоваться ее советом? И пропади пропадом толстый торговец с его темными делишками. Полученные от Кофийца, да так до сих пор и нерастраченные империалы звенят в кошельке, золота хватит надолго. Прямо сейчас встать, отпереть втихаря ворота, оседлать жеребца по имени Бьюри и скакать на восход, пока впереди не замаячат красные стены Акита… Возможно, именно так поступил Кетлик. Что, если некий Конан из Киммерии последует его примеру?

Правда, есть еще Дагоберт. Гандеру тоже грозит опасность, а бросать друга в беде Конан не привык. Ладно, допустим, Дагоберту можно все растолковать и уговорить уехать вместе, хотя неизвестно еще, согласится ли сгорающий от неразделенной любви воин оставить предмет своей страсти. Ну, а прелестница-аквилонка? Той ночью Вивия Ханаран была в злополучной беседке вместе с воинами. Грозит ли ей что-нибудь, если узнает муж?..

И тут киммериец, лежавший в темноте с открытыми глазами, заметил, что не ему

одному не спится этой ночью. В нескольких шагах от него один из воинов осторожно откинул одеяло.

Стараясь не шуметь, Дагоберт скользнул с постели и принялся быстро одеваться.

* * *

Конан наблюдал, как гандер вдевает ноги в сапоги, как осторожно, чтобы не звякнул металл, снимает с крюка перевязь с ножнами и прилаживает за спиной меч. Когда Дагоберт, крадучись, стал пробираться между сонными тургаудами к выходу, зашевелился и Конан. Варвар намеренно не стал раздеваться перед сном, всерьез подумывая о побеге, ну а натянуть сапоги и перекинуть через плечо ремень с ножнами было делом пары мгновений. Гандер выскользнул в сад. Конан без колебаний последовал за ним, ставя ногу особым образом, мягким перекатом с пятки на носок. Рассохшиеся доски крыльца не скрипнули и ни одна соломинка не затрещала под его шагами, а кусты и неверныеочные тени в свете стареющей луны надежно скрывали киммерийца от посторонних взглядов.

Дагоберт, впрочем, передвигался столь же скрытно и на удивление легко для своего высокого роста и массивного сложения. Каждые пятнадцать-двадцать шагов он замирал и подолгу осматривался кругом, чтобы не нарваться на Кайелана с Мугдашем, этой ночью обходивших дозором усадьбу. Примерно на полпути Конан понял, куда держит путь его приятель. Покуда гандер осматривался в очередной раз, варвар обогнал его – так что, когда Дагоберт проскользнул в приотворенную дверь конюшни, киммериец уже поджидал его там, спрятавшись в пустующем стойле.

Некоторые кони, в том числе злобный хауренский жеребец Фидхельма, на появление людей отзывались тревожным фырканьем. Дагоберт подошел к стойлу, где стоял его конь, серый в яблоках красавец бритуйских кровей, но, против ожидания варвара, седлать его не стал. Вместо этого он развернулся груду старой конской упряжи, сваленную в углу, и достал оттуда – не туго набитую мошну, как можно было ожидать, а моток прочной пеньковой веревки с равномерно вывязанными по всей длине узлами и трехлапым стальным крюком на конце.

Тогда киммериец вышел из своего укрытия и вполголоса произнес:

– Похоже, мы с тобой думаем одинаково, а, приятель?

Гандер выронил «кошку» и схватился за меч – но, узнав Конана, так и застыл, держась за рукоять:

– Конан?! Какого демона ты здесь делаешь?

– Признаюсь честно – следил за тобой, – усмехнулся варвар. – Теперь твоя очередь отвечать. Далеко собрался?

– А тебе что за дело? – вскинул Дагоберт. – Ты что, сторожем ко мне приставлен?! Вот, понимаешь, подружку навестить хочу!

– Угу, – кивнул киммериец. – А подружка твоя живет на крыше, и без меча к ней в гости не ходи. Я так сразу и подумал, честно!

Он присел и похлопал рукой по стопке попон рядом с собой:

– Тебе не кажется, что пришло время поговорить начистоту?..

...Когда все слова с обоих сторон были сказаны и выводы сделаны – что не заняло много времени, ибо обстановка не слишком располагала к долгим беседам – киммериец, словно ставя точку в разговоре, впечатал кулак в раскрытую ладонь:

– Так! Говоря по правде, я собирался предложить тебе плонуть на здешних хозяев с их секретами и убраться отсюда куда подальше. Но теперь, вижу, одно к одному... думаю, нынешней ночью мы узнаем много нового о радуге и ее корнях!

...Большой господский дом изнутри представлял собой путанный лабиринт коридоров, комнат, дверей и лестниц высотой в два этажа. Будь киммериец и гандер обычными грабителями, польстившимися на дорогие украшения или массивную столовую посуду из позолоченного серебра, их задача выглядела бы несравненно проще. Достаточно пошарить в покоях Гельге или его супруги, дабы обеспечить себя на пару месяцев привольной жизни. Опасность случайно натолкнуться на какого-нибудь из припозднившихся слуг, конечно же, не остановила бы двоих сильных и ловких мужчин, каждому из которых в прежней вольной и не всегда законной жизни уже доводилось бывать в жилищах богачей без ведома их хозяев.

Однако сейчас им предстояло проникнуть в помещение с единственным входом, наверняка надежно спрятанным и охраняемым – во всяком случае, сколько ни пытался Дагоберт после беседы с Вивией отыскать ту самую «железную» дверь с хитроумным замком», поиски его успехом не увенчались. Поэтому гандер избрал обходной путь в сердце дома Ханаран – через крышу. Он был убежден, что заветная дверь ведет в маленький патио, внутренний двор, открытый сверху. Такие дворики были почти непременной принадлежностью богатых домов на Полудне. Лето в этих краях жаркое и засушливое, да и зима не приносит сильных холодов, и хозяева поместья обыкновенно устраивали во дворике-патио цветник с фонтаном, чтобы в знойный летний день отдохнуть в прохладной тени.

Правда, если предположение гандера было верным, Гельге Кофиец использовал свой потаенный сад для совсем иных целей.

...Трехлапая «кошка», пущенная сильной и уверенной рукой, негромко звякнула о камень. Дагоберт несколько раз крепко потянул шнур, дабы удостовериться, что стальные крючья зацепились надежно, и проворно полез наверх, сноровисто перехватывая вывязанные на веревке узлы. Место было выбрано с умом – в дальнем углу сада, скрытое за дровяным сараем и подальше от вольеров со сторожевыми псами. Перед тем двум лазутчикам пришлось еще долго выжидать, укрывшись в кустах, пока удалятся двое несущих службу тургаудов и покуда скроется за набежавшим облачком щербатая половинка луны.

Наконец гандер оказался на крыше, а спустя недолгое время к нему присоединился Конан. Здесь, на кругом черепичном скате, они были бы как на ладони – две черных тени в серебристом лунном свете, и варвар мысленно возвзвал к Покровителю Воинов, чтобы спасительное облачко задержалось на своем месте подольше. Дагоберт ловко вскарабкался на самый верх, на острый конек. Оттуда он радостно махнул киммерийцу и принялся выбирать веревку, чтобы вытравить ее по другую сторону, а Конан тем временем поднялся выше, чтобы убедиться – его приятель был прав в своих предположениях. Внизу в обрамлении красной черепицы лежал черный квадрат двора со стороной в три дюжины шагов. Во дворе было темно, как в печной трубе, лишь кое-где на земле поблескивало стекло да смутно угадывались ряды тонких декоративных колонн вдоль стен. Миг – и веревка сброшена вниз, еще трижды ударило сердце – и оба воина стоят под стеной...

Но едва ноги Конана коснулись мягкой земли, как он почувствовал на своих плечах прикосновение чьих-то сильных пальцев. Нет, не пальцев – что-то длинное и жесткое,

похожее на коряевое щупальце, обвило плечи варвара, такое же щупальце обхватило его поперек груди, шуршащие сухие плети стянули руки и прижали локти к телу... живые веревки, брызнув из-под земли, мигом оплели ноги ниже колен... Конан рванулся с яростным криком, но добился лишь того, что странные путы глубже впились в тело. Рядом так же боролся Дагоберт.

В темноте защелкало кресало, и вспыхнувшие внезапно факелы осветили красноватым отблеском две распятые на каменной стене фигуры – и еще троих, стоящих в отдалении у мраморного постамента, похожего то ли на надгробие, то ли на храмовый алтарь. У одного в руке блестел широкий меч, другой ростом и сложением походил на мальчика-подростка. Конан услышал знакомый утробный смех, и вкрадчивый голос произнес презрительно:

– Жила-была любопытная кошка. Очень она хотела знать, для чего хозяину капкан, и узнала таки, да лишилась головы...

* * *

Дагоберт, спеленатый по рукам и ногам, глухо зарычал в ответ и вновь попытался вырваться. Безуспешно – Кофиец лишь коротко рассмеялся, глядя, как бессильно бьется здоровенный гандер, подобно мухе, угодившей в ловчую сеть паука.

Конан, наоборот, несмотря на всю отчаянность положения, попытался полностью расслабить мышцы. После краткой борьбы с живыми веревками он усвоил, что странные щупальца сжимают свою жертву тем крепче, чем сильнее она рвется на волю, и напротив – немного отпускают хватку, когда жертва неподвижна. Ноги и правая рука киммерийца были надежно схвачены, но левое предплечье сохранило относительную свободу. Теперь киммериец пытался изогнуть тело так, чтобы пальцы левой руки достали до голенища сапога – двигаясь очень медленно и плавно, чтобы не насторожить ни хищные узы, ни Гельге, стоящего поодаль.

Кофиец тем временем подошел ближе. Он был одет в просторную темную накидку, перехваченную широким золотым поясом, с могучих плеч свисал теплый плащ – ночь выдалась прохладной. Какого-либо оружия при нем Конан не заметил.

– Зажги светильники, – бросил он Фидхельму.

Легионер убрал в ножны свой отточенный меч, взял один из факелов и двинулся по дорожкам, вдоль которых выселились тонконогие треножники с масляными лампами в бронзовых чашах. От прикосновения факела над чашей вспыхивал яркий зеленый огонь, заметались причудливые тени, сладковатый запах поплыл по дворику – видимо, что-то было намешано в лампадное масло. Гельге заговорил снова, переводя взгляд от одного пленника к другому, и теперь его голос сочился злорадством:

– Вивия была права, гандер, когда рассказывала тебе про Корни Радуги. Они и впрямь здесь, и ты их скоро увидишь... боюсь только, они тебе не понравятся... А тебе, киммериец, надо было послушаться совета старой Эйхнун. Глядишь, и прожил бы пару лишних дней. Но любопытство сгубило кошку... и еще многих достойных людей. Теперь вас ждет скверная смерть...

– Запугал, уже боюсь, – перебил Конан. – Скажи лучше – кто нас выдал? Твоя верная

нянька? Или твоя неверная супруга? Поменял бы ты их местами: молодую на кухню, старуху в покой... а то ведь, гляди, рога в дверь не пройдут...

— За это, варвар, Тхим Хут приглядит, чтобы ты умирал долго, — прошипел Кофиец. — Спрашиваешь, кто вас выдал? Хорошо, я скажу тебе. Спрашивай, юноша, не стесняйся — у нас еще есть немного времени, пока Тхим Хут готовит необходимое, и я готов раскрыть тебе секреты, которых ты столь настойчиво искал!

— Так кто же? — против воли Конана охватило любопытство, но была и иная немаловажная причина: пока Кофиец болтал, упиваясь бессилием жертв, его горящий злой взгляд был прикован к лицу варвара — и тем меньше было шансов, что купец заметит, как пальцы юноши все ближе подкрадываются к рукояти засапожного ножа.

— Простой ответ: никто! — осклабился купец. — Клянусь плетью Нергала и самой глубокой его ямой, мне не нужны соглядатаи! Еще тогда, той ночью... едва проводя ритуал... я узнал все о ваших нелепых планах и о моей женушке, блудливой суке, изменявшей мне с красавчиком-шемитом. Шемит поплатился сразу, вас же троих я трогать не стал: мне стало любопытно. Вы, два молодых ишака, имели выбор: забыть обо всем — и жить в достатке на завидной службе, я не убиваю без надобности... но вы выбрали иное и тем самым определили свою нынешнюю участь.

Светильники разгорелись, и потаенный садик Гельге Ханарана залил призрачный зеленоватый свет. В этом свете предметы виделись одновременно и отчетливо, и смутно, как бывает, когда смотришь сквозь толщу чистой морской воды. Теперь Конану стало ясно, что в патио действительно разбит маленький, очень ухоженный сад — там и тут виднелись стеклянные колпаки разной формы и размера, увитые листвой решетки, пара крохотных деревьев... вот только большинство растений в этом саду одним своим видом вселяли подспудное чувство тревоги. Болезненно перекрученные ветви, гротескные крупные цветы, более похожие на зубастые пасти, длинные шипы, поблескивающие маслянистой влагой...

Повернув голову, Конан увидел то, что его держало — одну из стен патио полностью скрывали побеги вроде бы виноградной лозы, но киммериец даже под пыткой отказался бы отведать ягодку с этого виноградника. Уродливые мясистые листья темно-пурпурного цвета беспокойно двигались без всякого ветра, тонкие колючие усыки нетерпеливо тянулись к двум беспомощным жертвам. Один из таких усиков, коснувшись сапога Конана, до сих пор стискивал высокую тушку здоровенной серой крысы. Варвара замутило, и он поспешно отвел глаза.

Гельге заметил его отвращение, и в блестящих черных глазах Кофийца мелькнула насмешка:

— Ага, ты оценил мою коллекцию редкостей! Надеюсь, тебе понравилось?

— Омерзительно, — искренне признался киммериец, на миг забыв даже о спрятанном в сапоге кинжале. — Понятно, почему ты всю эту дрянь держишь под замком. Это, что ли, и есть твои Корни Радуги?

— Не совсем, — загадочно усмехнулся купец. У мраморного постамента-алтаря кхитаец творил какое-то странное действие — водил в воздухе руками, рассыпая по мрамору порошки из десятка разных мешочек, непрерывно что-то бормоча на своем наречии и время от времени сверяясь с большой черной книгой зловещего вида. Позади него маялся Легионер, ему явно было неуютно. — Не совсем, варвар. Но за этот садик кое-кто из Рунного Круга Кешты вырезал бы пол-Хаурана, да еще посчитал бы это выгодной сделкой... Взять хотя бы этот маленький кустик. Яд с единственного его шипа способен убить сорок человек,

крохотная склянка, вылитая в колодец, уничтожит население целого города. А вон тот цветок – я привез его из Черных Королевств – человек, вдохнувший его пыльцу, не чувствует боли, даже если ободрать с него кожу живьем... Вот еще травка – настойка из ее семян сделает любого твоим покорным рабом на три дня. Такой раб будет втрое сильнее обычного человека и сделает по твоему приказу что угодно, но спустя три дня внезапно умрет, а тело его рассыплется в прах – разве не прелесть?.. Я собирал все это по крупицам целых пятнадцать лет!

Конан с отвращением сплюнул:

– А вот та мерзость, которая держит нас, что может она? Летаешь по воздуху, если пожуешь листочек? Или привесишь на шею корешок и делаешься невидимым, но при этом уд сворачивается колечком?

– Ах, это, – скучно сказал Гельге. – Ничего особенного. Это хищная лоза из Дарфара. Она просто жрет. Очень удобно, когда нужно избавиться от тела. И очень болезненно для того, кого жрут. Кетлик мог бы многое рассказать об этом, но он уже отмучился... Теперь ваша очередь. И еще кой-кого... Тхим Хут, все ли готово к ритуалу?

– Я почти закончил, господин, – кратко отозвался дворецкий. Голос кхитайца был сухим и бесстрастным, как если бы заговорила каменная статуя, не ведающая душевных волнений. Конан бросил взгляд в сторону алтаря, стоящего в середине двора на площадке, куда лучами сходились отсыпанные крупным песком дорожки, и увидел, что над гладкой мраморной плитой пляшут крохотные разноцветные искорки. – Еще немного, и можно будет начинать.

Тут вдруг заговорил Дагоберт. Лицо гандера было искалено страданием, по лбу градом катился пот. Он рвался из удушающих объятий дарфарской лозы со всей силой отчаяния, но добился лишь того, что путы-побеги стиснули его тело стальными обручами так, что лицо и руки несчастного стали багрово-синими. Голос его звучал хрипло:

– Кто... еще? Она...

– Она, она, – охотно подтвердил купец, оборачиваясь лицом к алтарю и спиной к подвешенным на стене воинам. – Моя проклятая красавица-жена, наставлявшая мне рога, пока я был в отъезде, привечавшая на ложе вонючего наемника, соблазнявшая другого вонючего наемника, чтобы меня прикончить, выведывавшая мои тайны, плюнувшая в ладонь, которая ее кормила. А ведь, Эрлик свидетель, я ее по-своему любил. Может быть, я и простил бы измену... но ядовитую гадюку в доме держать не стану. Сегодня Ловец Душ наестся до отвала, и ее я скормлю первой.

– Нет! – простонал Дагоберт.

– Да! – передразнил его Кофиец. – Тхим Хут, сколько еще ждать?

– Подождите еще немного, господин, – произнес кхитаец. В его спокойном голосе пропустила еле слышная нотка напряжения. – Опустошитель получил много жертв в последние дни. Он насытился, его тяжело призвать.

Кофиец хмыкнул и обернулся к Конану.

– Уже скоро, – он пожал плечами. – Так напоследок я тебе открою секрет Корней Радуги, варвар. Вот они, в действии.

— Семнадцать лет тому я был в Кхитае, — начал Гельге. — Там я встретил Льен Во, дочь верховного жреца из храма Небесного Ока. Мне казалось, что я полюбил ее, — купец нагнул голову и упрямо стиснул челюсти, — и она ответила мне взаимностью. Однажды, когда нам обоим думалось, что наши чувства подлинны и чисты, она доверилась мне настолько, что позволила тайно присутствовать во время одного ритуала...

Они проводили этот ритуал раз в год. Вызывая Ловца Душ — ту тварь, которую сейчас пытается разбудить Тхим Хут — жрецы приносили изголодавшемуся демону жертву, и тот рассказывал самые потаенные секреты двора. Кто из вельмож плетет интриги, кто нечист на руку, кто замышляет свергнуть Небесного Владыку... они узнавали все обо всех, и никто не мог укрыться от ока Опустошителя — так они называли демона.

Льен, конечно, показала мне ритуал из благих побуждений. Она хотела показать, сколь могучие силы доступны ее отцу, сколь спокоен и несокрушим может быть Владыка, которому ведомы самые сокровенные тайны своих подданных. Такой правитель не боится покушений, ибо знает наперед помыслы своих недоброжелателей; всегда полна его казна, ибо ему известно, кто утаивает доход, а кто честно служит трону, когда лучше покупать и где продавать... словом, ты понимаешь, какие открываются возможности. Вот и я понял... тогда. И я возжелал этого знания для себя одного.

Я вернулся в имение и собрал все, что накопил. Я обратил в драгоценности огирские векселя и хауранские закладные, я загрузил дорогими подарками три фургона, взял с собой всех воинов, бывших в «Рубиновой лозе», и нанял лучших бойцов Полудня, чтобы они стерегли мой караван от превратностей дороги. Со всем этим я пришел к отцу Льен Во и умолял его о двух вещах: руке его дочери и тайном знании — в обмен на все это, а потом, когда он отказал, обещал ему сверх того отдавать весь свой доход за десять последующих лет. Весь доход торгового дома Ханаран за десять лет, варвар! Ты хоть представляешь, какая это груда золота?!

Он отказал. Более того, он пришел в ярость, обозвал меня мошенником и одержимцем и выставил за дверь.

Но я всегда добиваюсь своего — там, где отказал верховный жрец, один из его помощников согласился с радостью. Жрецы Небесного Ока дают обет бедности и безбрачия, и некоего Тхим Хута такое положение дел перестало устраивать, а тут как раз подвернулся я... с тремя телегами драгоценостей. Потом...

— Я понял, что было потом, — перебил Конан. — Уйти по-тихому не получилось, да? Ты положил всех своих воинов и оставил все золото, но сам все-таки вырвался, увозя кхитайца, Фидхельма, жену и вожделенного демона... хотя, во имя вечного света, как можно умыкнуть демона?!

— Демона нельзя, верно, — отозвался вдруг дворецкий. — Он обитает в Незримом и не принадлежит никому. Но он приходит на зов. Нельзя украсть журавля, летящего высоко в небе. Можно украсть манок на птицу и умение им пользоваться. Манок — вот... — кхитаец постучал согнутым пальцем по своему черному фолианту, — а демон уже идет. Воин, приведи женщину для жертвы.

Фидхельм быстрым шагом направился к колоннаде, скрытой в густой тени.

— Итак, призвать Ловца Душ теперь в моей власти. Он говорит мне, что делать и чего не делать, и он никогда не ошибается. Взамен демон требует жертв — человеческих жертв. Кхитайцы использовали для этого преступников, приговоренных к смерти, я чаще всего

обхожусь рабами, — продолжал Кофиец. — Иногда он требует какого-то определенного человека — это сложнее всего, но советы Ловца в таких случаях поистине бесценны. Вельможа, которого я привез из Нумалии, был вхож ко двору немедийского короля — теперь у Трона Дракона от меня нет тайн... Опустошитель прозревает настоящее и будущее. Восходный владыка с помощью его предсказаний держал в повиновении целую империю. Недалек тот день, когда и я завершу создание своей империи — империи торговой. Уже теперь половина шадизарских и аграпурских купцов шагу не сделает без моего дозволения, двери трети денежных хранилищ Офира и Кофа я открываю ногой. Еще несколько лет, и моего золота достанет на то, чтобы попросту перекупить трон у Илдиза Турецкого или нанять армию, перед которой дрогнут панцирные легионы Эпимитреев. Вот тогда...

Зеленоватые сумерки прорезал женский крик, тут же прервавшийся, когда ладонь Легионера грубо зажала аквилонке рот. Фидхельм вытолкал Вивию к алтарю и швырнул наземь — связанные за спиной руки не позволили ей смягчить падение, женщина упала ничком. Великолепные золотые волосы разметались по песчаной дорожке. Словно почувяв добычу, цветные искры над мраморной плитой заиграли живее, ярче, сияние поднималось выше, обращаясь в бесплотную и бесформенную, но все же человекоподобную фигуру.

— Она прекрасна, хотя и иначе, чем Льян, — печально пробормотал купец. — Но ее красота не пробуждает во мне жалости. Если бы Льян не покинула этот мир или хотя бы подарила мне наследника, боги!.. Бедняжка зачахла на глазах от тоски по родине и, подозреваю, от чувства вины — ведь когда б не ее доверчивость, многое могло бы быть иначе...

— Пора, господин, — позвал кхитаец от алтаря.

— Я только одного не пойму, — сказал Гельге, делая шаг вперед. Его сумрачный взгляд впился в лицо Конана. — Демон мне помогает или мой собственный опыт, но есть люди, коих я читаю подобно развернутому пергаменту. Когда я нанимал вас двоих, мне казалось, что я вижу насквозь ваши примитивные помыслы. Передо мной были двое обычных наемных рубак — по своему честных, жадных до золота, вина и женщин, прямых как меч и незамысловатых, как полено. По всем признакам вы не могли обратить оружие против меня — и все же... Ладно гандер, он сам не свой от вожделения. Но ты, киммериец! Ты мог бы иметь все, что только доступно воину, и даже больше — так ради чего ты упорно искал смерти, влезая в чужие секреты? Неужто из одного только праздного любопытства?

— А что, твой всеведущий демон тебе этого не сказал? — хмыкнул Конан. Внешне оставаясь спокойным, киммериец собрался внутренне, готовясь к решающему броску — рукоять кинжала наконец легла в ладонь. — Во-первых, я понял, что жизнь без риска не для меня. Во-вторых, ненавижу неразгаданные тайны. А в третьих, терпеть не могу паршивых чернокнижников!

* * *

Губы Конана еще произносили последние слова, когда узкий, отточенный до бритвенной остроты клинок в его руке покинул ножны за голенищем. Это был тот самый кинжал, который пару седмиц тому Конан выиграл в борцовском поединке с молодым

туранцем. Теперь варвар убедился, что Хали не солгал: зингарский клинок и впрямь оказался отменным. Синяя сталь впилась в растительные путы, охватившие тело киммерийца – и вспорола их, точно гнилую пеньку.

Должно быть, хищной лозе не доводилось прежде сталкиваться с жертвой, способной постоять за себя. Конан и сам не рассчитывал на такой успех. Побеги дарфарской лозы выглядели сухими, твердыми и неподатливыми – но клинок, сработанный зингарским оружейником, рассек их чисто и легко, не как древесину, а скорее как живую плоть, и из обрубков брызнул густой алый сок, похожий на кровь. По всему хищному винограднику пробежала мгновенная судорога боли. Вслед за этим щупальца, сжимавшие добычу, разом разжались, взметнувшись в воздух – и те, что еще держали Конана, и оплетавшие гандера.

Оба воина от неожиданности упали ничком.

Гельге, стоявший ближе прочих противников, взревел от ярости и нанес упавшему варвару страшный удар ногой в лицо, но Конан успел откатиться на шаг. Прыжком он вскочил на ноги и выхватил из заплечных ножен меч, в левой руке продолжая сжимать спасительный кинжал.

Вскочил и Дагоберт. Однако гандер сейчас не замечал ничего, кроме распластертоей на песке фигуры Вивии, и ничего не соображал, кроме того, что его возлюбленной грозит опасность. Вместо того, чтобы взяться за оружие, он бросился на помощь аквилонке, а меч его так и остался в ножнах. Гельге ринулся за ним, разумно предпочтя безоружного противника вооруженному – а наперерез Конану смертоносной тенью скользнул Фидхельм Легионер, и багровый отсвет факелов плясал на боевой стали в обеих руках начальника стражи.

Хитаец застыл за алтарем неподвижным черным изваянием.

Фидхельм напал первым, уверенный в своих силах, и Конан был вынужден отступить. Варвар чувствовал в своем теле новые умения и возможности, ведь две седмицы ежедневных учебных поединков с более опытными бойцами не прошли даром. Но нынешний бой уже не был учебным, а Фидхельм более не стремился растянуть удовольствие. Бывший немедийский сотник стремился убить, и уж этому ремеслу он был обучен на славу.

После первого же обмена ударами Конан отбросил кинжал, стеснявший его движения – уровень мастерства киммерийца был еще слишком низок для правильного использования даги – и рубился с двух рук, положившись на свое превосходство в длине клинка, росте и физической силе. Легионер наседал, с клинков при соударении летели искры. Противники кружили по драгоценному садику Гельге Кофийца, опрокидывая бронзовые светильники и безжалостно топча редкостные растения. Сапоги Фидхельма смолотили в кашу цветок, чья пыльца изгоняет любую боль. Длинный меч киммерийца под корень снес уродливое деревце с иссиня-черной листвой, чьи плоды или, может быть, кора наверняка обладали не менее удивительными свойствами.

Потом жирная рыхлая земля под ногами закончилась, пошли гладкие каменные плиты. Только когда клинок Конана на излете высек горячую крошку из стены справа, киммериец понял, что Легионер умело и грамотно загоняет его в угол – где, скорее всего, и прикончит... если Конан не достанет его первым, и прямо сейчас. Но все силы и мастерство варвара уходили на оборону, нечего было и помышлять об атаке. Фидхельм это видел и ухмылялся злорадно, с невероятным проворством орудя двумя клинками, шаг за шагом тесня противника навстречу смерти.

Еще два удара сердца, может быть, три – и широкий тяжелый гладиус начальника

стражи прощет насквозь возомнившего о себе киммерийца. Фидхельм предвкушал этот миг, он был неизбежен, Легионер наслаждался близкой победой. Вероятно, эта преждевременная радость и заставила его допустить крохотную небрежность в выверенном до последней мелочи танце мечей.

Его противник, впрочем, этой небрежности и не заметил – но руки Конана, сжимавшие горячую рукоять меча, в нужный момент сделали все сами. Он лишь ощутил в груди и в мыслях знакомую пустоту, а клинок вдруг сделался очень легким, – секретный прием, подсмотренный некогда у самого Фидхельма, тот, от которого нет защиты и который киммериец старательно разучивал, едва выдавалось свободное время, вышел безукоризненным.

…Сгорбившись и тяжело дыша, Конан опустил меч, лезвие которого покраснело на треть. А непобедимый Орел Шестого легиона, выронив клинки, медленно опускался на колени, и в его желтых глазах плескалось безграничное удивление.

Но бой был еще не окончен. Над связанной Вивией схватились насмерть Кофиец и Дагоберт, и торговец одолевал.

* * *

Гандер был на голову выше купца, обладал немалой силой и знал толк в поединке, но все эти преимущества сводились на нет бычьим телосложением Кофийца – нелегко подмять человека в полтора раза более тяжелого, да к тому же поперек себя шире. Гельге обхватил противника своими мощными рушищами поперек груди и давил так, что трещали ребра. Дагоберт сопротивлялся как мог, но силы, похоже, были все-таки неравны, и Конан, завидев плачевное положение приятеля, бросился на выручку.

Он уже заносил меч, намереваясь одним точным ударом положить конец земному существованию Кофийца, как вдруг клинок вырвался у него из рук, а сам Конан кубарем полетел наземь – больше всего это было похоже на внезапно налетевший откуда-то сбоку вихрь. Киммериец немедленно вскочил, отыскивая изумленным взглядом свое оружие и нового врага.

Меч обнаружился в десятке шагов – блестел яркой сталью, до половины воткнувшись в песок, и над ним стоял тщедушный колдун-хитаец, сложив ладони перед грудью.

– Ветер собирает сухие листья, – сказал он. – Так это называется.

Конану стало смешно. При своем росте и сложении Тхим Хут и весил-то не более четырнадцатилетнего мальчишки, Конан мог бы свернуть ему шею, даже не особенно напрягаясь. Киммериец молча шагнул к колдуну, намереваясь просто отшвырнуть его в сторону, забрать оружие и отыскать того, кто умел атаковать столь мощно и внезапно…

…и в следующий миг вновь покатился по земле, парализованный острой болью под ложечкой. Подняться на ноги стоило ему на сей раз куда больших усилий.

Хитаец скрипуче засмеялся.

– «Большая башня громко падает», – издевательски сообщил он. – Рост – не преимущество. Сила – не преимущество. Я учился у мастеров.

Он стал неспешно придвигаться к Конану, по прежнему держа перед грудью ладони,

сложенные в почтительном жесте. На сей раз киммериец держался настороже, и, когда кхитаец приблизился на расстояние вытянутой руки, мгновенно «выстрелил» могучим кулаком между узких черных глаз колдуна. Попади его удар в цель, кхитаец рухнул бы с проломленным черепом.

Удар пришелся в пустоту. Непостижимым образом увернувшись, дворецкий атаковал в ответ. Что именно он сделал, Конан не уловил – впечатление было такое, будто под ребра врезали острым колом, и хлесткий пинок в грудь вновь отбросил его на несколько шагов. Оглушенный и сбитый с толку, варвар все же нашел в себе силы встать. Сквозь красные круги в глазах он разглядел, что проклятый колдун приближается снова, и понял, что с этим противником ему не совладать.

– «Белый тигр выпускает когти», – непонятно пояснил кхитаец. – А сейчас будет «ветряная мельница машет крыльями». На этом закончим. К сожалению, я не могу забавляться с тобой долго. Жаль. Ты выносливый. Ха-ай!

С резким криком маленький колдун взвился в воздух.

Но мелкие божества, прядущие нити человеческих судеб, явно рассудили, что жизнь некоего варвара из клана Канах не должна прерваться этой ночью – ибо иначе, как божественным провидением, невозможно объяснить случайность, спасшую Конана от этого финального удара. В тот миг, когда кхитаец оттолкнулся от земли, что-то твердое оцарапало варвару лопатку, а затем мощный рывок опрокинул его на спину: позади него вся укрытая «виноградом» стена пришла в беспорядочное движение, ощетинившись ищущими побегами хищной дарфарской лозы, и одно из этих жадных щупалец дотянулось до подвешенных за спиной Конана ножен. Резко сократившись, оно сбило киммерийца с ног, поволокло по земле и затянуло бы вновь в удушающие объятья плотоядного растения. Но истертая кожаная перевязь очень вовремя лопнула на застежке, оставив Конану жизнь, а лозе – несъедобные деревянные ножны.

Тхим Хуту повезло меньше. Остановиться в прыжке он не мог, влетев прямиком в шепчущие заросли, и с десяток живых веревок тут же оплели его смертоносной сетью.

…Фидхельм остывал в луже собственной крови, кхитаец повис в объятиях дарфарского монстра, и все больше побегов опутывали его тщедушное на вид тело. Дворецкий даже не успел крикнуть. Смотреть на нетерпеливое копошение мясистых усиков вокруг новой добычи было отвратно, но высвобождать его Конан не собирался. Оставался лишь Кофиец. Толстый торговец, повалив Дагоберта навзничь, сомкнул сильные пальцы на горле гандера и выдавливал из противника жизнь, несмотря на его отчаянное сопротивление. Связанная по рукам и ногам Вивия могла лишь громко призывать на помощь – чем, собственно, и занималась, наверняка переполошив весь дом и стражу – словом, еще немного, и нить жизни незадачливого гандера оборвалась бы до срока.

Однако человек, пытающийся удавить лежачего, полностью беззащитен против любой иной атаки, и обезвредить его можно по меньшей мере десятком разных способов. Подскочивший на помощь Конан избрал самый простой: взял бычью шею Гельге в удушающий захват на локоть правой руки.

Гельге захрапел и стал подниматься в полный рост, разрывая захват. Ему это удалось, и тогда киммериец, чей меч торчал в земле где-то посреди двора, а кинжал безвозвратно затерялся на грядках, с размаху навесил купцу-чернокнижнику в челюсть.

Кофиец покачнулся и отступил на шаг.

Дагоберт, встав и держась правой рукой за побагровевшее горло, ударил с левой.

Торговец утробно хрюкнул и вновь попятился. Глаза его помутнели.

Конан снова размахнулся. Потом настала очередь Дагоберта. От каждого удара купец, шатаясь, отступал на пару шагов, пока прямо за его спиной не оказалась мраморная глыба алтаря – теперь Конан ясно видел, что ее поверхность сплошь покрыта тончайшей резьбой – и безмолвно колышущаяся над ней радужная фигура, отдаленно напоминающая человеческую. Последний удар, нанесенный гандером, опрокинул Кофийца пряником в это радужное сияние... и оно вдруг набросилось на человека со стремительной жадностью, с какой голодный хватает миску мясной похлебки, окружив голову Гельге сияющим ореолом.

Внешне это выглядело совсем не страшно и длилось не более одного-двух ударов сердца. На краткий миг могучее тело купца выгнулось в мучительной судороге, распахнулся в беззвучном вопле рот – и тут же все кончилось. Кофиец обмяк и грузно осел к подножию алтаря, то ли лишившись чувств, то ли вовсе бездыханный. А сияющее облако над ним сменило цвет, сделавшись ярко-алым и пульсируя подобно человеческому сердцу, и из этого мерцания послышался негромкий, лишенный всяких интонаций голос:

– Воистину, это была славная жертва, и она будет вознаграждена полной мерой. Взыскиющий тайного знания – спрашивай и узнаешь...

* * *

Повисла тишина – относительная, впрочем. Слышно было, как перекликается снаружи поднятая по тревоге стража, в доме сновали разбуженные криками слуги, сторожевые псы в своих клетках заливались лаем – но в потаенном садике Гельге Кофийца никто не произнес ни слова, только затихающий хрип доносился оттуда, где лоза торопливо упаковывала кхитайца. Демон терпеливо ждал вопроса.

Конан с Дагобертом переглянулись. Такого поворота они не ждали, и ничего существенного не лезло в головы, еще разгоряченные недавним боем. Впрочем, почему бы и нет? Ведь жертва, похоже, и впрямь принесена по всем правилам... правда, совсем не та, что намечалось, и все же...

– Стану ли я когда-нибудь королем? – брякнул киммериец первое, что пришло в голову.

Дагоберт, присевший на корточки, чтобы освободить аквилонку от пут, только крякнул и постучал себя по лбу согнутым пальцем.

– Да, – просто и скучно ответил голос.

– Э... вот как?! Ну... – Конан озадаченно поскреб в затылке, гандер выпучил глаза. – Когда я уеду отсюда, куда лучше всего податься?

– В Аграпур, – без колебаний ответствовал демон. – Илдиз Туранский набирает воинов в дворцовую гвардию. Ты будешь принят и добьешься успеха.

– Буду ли я и в самом деле любим Ви... – начал было Дагоберт, но осекся и сам себе захлопнул рот ладонью. – Нет. Не хочу знать заранее.

– Хочешь еще о чем-то спросить, гандер? Нет? А вы, госпожа? Тоже нет? – осведомился Конан. – Тогда, демон, у меня к тебе последний вопрос. Как тебя уничтожить?..

...Манок на демонов, черная книга Тхим Хута, горела долго и неохотно – пергамент плохо поддается огню. Но алое пульсирующее облачко над алтарем поблекло и истаяло

гораздо раньше, чем последние страницы обратились в пепел.

* * *

— ...Что теперь? — спросил Конан, когда улеглась суета, унесли трупы, и слуги под бдительным присмотром тургаудов принялись прибираться во внутреннем садике — изничтожать под корень отвратительную «коллекцию редкостей» Кофийца. Начали, по особому распоряжению Вивии, с дарфарской лозы. — Одним демонопоклонником меньше, одна смазливая девица сделалась богатой вдовой... Кстати, что с Кофийцем — мертв?

— Сердце у него бьется, но рассудок унес Опустошитель. Он жив, но все равно что мертв, — пожала плечами Вивия. — Впрочем, может быть, это и к лучшему. После смерти богатого купца непременно появятся всевозможные наследники — хоть у него и не было прямых потомков, но семейство Ханаран довольно многочисленно, и обязательно найдутся желающие запустить лапу в баснословное наследство. А так я добьюсь опекунства и какнибудь найду способ сохранить «Рубиновую лозу» в своем владении.

Конан молча покрутил головой. Деловитость красавицы-аквилонки неприятно его удивила. Впрочем, это уже не его дело — для себя киммериец твердо решил, что не останется в злополучном поместье ни одного лишнего дня. Правда, оставалось уладить здесь еще кое-какие немаловажные дела.

— Госпожа, я исполнил данное слово... мы исполнили, — спохватился Дагоберт. — Но и вы обещали...

— Помню, — улыбнулась аквилонка. Улыбка вышла несколько вымученной — тяжело сохранять любезность, чудом избежав принесения в жертву. — И сдержу данное мной слово. Для начала, Дагоберт, не нужно называть меня госпожой — можешь звать меня по имени, и награда будет твоей — именно та, которой ты ждешь. Признаюсь, мне будет приятно... благодарить тебя.

Гандер просветлел лицом.

— Так ты остаешься, как я понимаю? — невежливо влез в беседу киммериец. — Хотел позвать тебя с собой, но, что ж... вольному воля. Что до меня, то я уезжаю, и чем скорее, тем лучше. Вот только сперва попрощаюсь с Ардис и заберу кое-что...на память.

— Но почему?! — вскричал пораженный гандер. — Теперь, когда все позади... Сыщешь ли ты место во всем обитаемом мире, где тебя примут лучше, чем в «Рубиновой лозе»?! Место Фидхельма как раз освободилось...

— Ты еще предложи место дворецкого, — отмахнулся Конан. — Нет, я окончательно решил: сытая спокойная жизнь не по мне. Хоть ты позолоти клетку, но клеткой она и останется. Проклятье, мир ведь так велик, а я еще не повидал даже малой его части! И к тому же, ты не забыл? То демоническое отродье напророчило мне корону! Думаешь, можно стать королем, сидя в этой глупши?

— Что же ты желаешь взять на память, Конан из Киммерии? — лукаво прищурилась Вивия Ханаран. — Может быть, скажем, тысячу золотых?

— А? Ну уж нет. Это какая-то очень короткая память. Вот пять тысяч запомнились бы мне надолго! — засмеялся варвар. — А еще — моего коня и мой меч. И — в старый добрый

Шадизар для начала, навестить кой-кого из былых приятелей; а потом дальше, на Закат, по Дороге Королей!

– Но почему на Закат? – окончательно растерялся Дагоберт. – Ведь этот проклятый всеведущий демон, не к ночи будь помянут, присоветовал тебе блистательный Аграпур, а это как раз в другую сторону!

– В самом деле? – ухмыльнулся Конан. – Вот и хорошо. Знаешь, у нас на Полуночи есть поговорка: когда не знаешь, как правильно поступить – спроси совета у демона... и сделай наоборот!..

---

notes

Примечания

Перевод Т. Шельен.

Перевод Т. Шельен.